ЖИЗНЬ

СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ.

Архимандрита Порфирія.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.
1864.

25998

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГІОЗНОГО
МУЗЕЯ

1935 Г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
886
59

(Изъ ежемѣсячнаго изданія: Душеполезное Чтеніе. 1864 г. Январь.).

Печатать позволяется. Москва, Января 31 дня, 1864 года.

Цензоръ, *Протоіерей Павелъ Беневоленскій.*

ЖИЗНЬ

СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ.

ГЛАВА I.

Уваженіе къ св. Василію въ древней Церкви.—Знаменитость его предковъ и ихъ благочестіе.—Домашнее воспитаніе Василія у бабки Макрины.—Внушенія матери его.—Предметы обученія въ Кесарійскомъ училищѣ.—Уроки въ Константинополѣ и Аѳинахъ.—Пріемъ Василію въ аѳинскомъ училищѣ и первыя его впечатлѣнія.—Образъ жизни его здѣсь и дружба съ Григоріемъ Назіанзиномъ.—Прощаніе съ училищемъ.—Взглядъ сестры его на первыя его занятія по возвращеніи изъ Аѳинъ.—Путешествіе Василія по монастырямъ.

Св. Василій Великій принадлежитъ къ числу тѣхъ пастырей Церкви, которые пользовались уваженіемъ и любовію не только при жизни своей отъ своихъ современниковъ, но и по кончинѣ своей, отъ всѣхъ, для кого дорога была св. вѣра, и кто умѣлъ цѣнить истинное благочестіе. Въ день памяти Василія обыкновенно поется такой припѣвъ на 9-й пѣсни канона: «величай душе моя во іерарсѣхъ Василія Вели-

каго, вселенныя пресвѣтлаго свѣтильника и украсившаго св. Церковь». Эти слова почти буквальное повтореніе отзыва о Василіѣ вселенскихъ соборовъ. Такъ отцы Халкидонскаго собора утвердили за нимъ названіе великаго. Отцы 2-го Константинопольскаго собора, высказавъ мысль, что у кого естество одно, у того и воля и дѣйствіе едино, прибавили: такъ насъ научилъ свѣтило вселенной, дивный Василій. Соборъ Трульскій въ 32-мъ правилѣ такъже ясно говоритъ, что слава Василія прошла по всей вселенной; а похвальные отзывы о немъ, встрѣчающіеся въ писаніяхъ древнихъ отцевъ и учителей, неизчислимы. Только нечестивый Евномій, аріанскій епископъ, имѣлъ безтыдство въ своихъ апологіяхъ называть Василія и хитрымъ и коварнымъ и трусливымъ и софистомъ, и смѣялся надъ тѣмъ, что онъ постоянно питался чечевицей и отъ продолжительныхъ постовъ имѣлъ на лицѣ постоянную блѣдность. Вопреки дерзкимъ ругательствамъ этого еретика, всѣ знаменитѣйшіе пастыри Церкви никогда не считали себя и способными восхвалить Василія по достоянію [а]),

---

а) Вотъ отзывъ о немъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Григорій Богословъ писалъ о себѣ, что онъ лучше всѣхъ знаетъ Василія (п. 41.), но онъ называетъ его вождемъ жизни, учителемъ догматовъ, окомъ вселенной, палатою учености и всѣмъ, что ни сказалъ бы кто прекраснаго. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: каждый преуспѣваетъ въ чемъ нибудь своемъ, а нѣко-

и можно сказать словами св. Григорія Богослова, что нѣтъ ни одной человѣческой похвалы, которая бы не приличествовала Василію, и что онъ столько усовершился во всемъ,

---

торые и въ нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ видовъ добродѣтелей. Василій же столько усовершился во всемъ, что сталъ какъ бы образцевымъ произведеніемъ природы. Это именно былъ мужъ, къ которому можно примѣнить слова апостола: *быхъ всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасу.* Еще болѣе увеличиваетъ Григорій важность и значеніе Василія, когда прибавляетъ: „это былъ мужъ—единственная почти оставшаяся у насъ искра жизни и жизненная сила“ (п. 41). Григорій увѣряетъ еще, что всѣ слова Василія съ неимовѣрною быстротою дѣлались извѣстными во всемъ мірѣ. Вотъ собственныя выраженія Григорія, писавшаго еще въ то время, какъ самъ былъ пресвитеромъ: „я стою не на виду, многимъ неизвѣстенъ, иные почти и незнаютъ, что мною бываетъ сказано и даже проповѣдую ли я. О Василіи же много рѣчей, какъ о человѣкѣ, который извѣстенъ самъ по себѣ и по Церкви. Все сказанное имъ переходитъ въ общую извѣстность.“ Къ Василію питалъ высокое уваженіе и св. Аѳанасій Великій. Любовь послѣдняго къ первому такъ была извѣстна и несомнѣнна, что Василій съ увѣренностію напоминалъ объ ней преемнику Аѳанасія (128). А пять дошедшихъ до насъ писемъ Василія къ Аѳанасію показываютъ еще, что Василій съ довѣрчивостію предлагалъ Аѳанасію иногда свои совѣты для устроенія дѣлъ церковныхъ, и видѣлъ одобрительное вниманіе къ своимъ предположеніямъ. Изъ писемъ же самого Аѳанасія извѣстно, что онъ съ твердостію защищалъ Василія противъ подозрѣній въ неправомысліи о Св. Духѣ. Вотъ собственныя слова Аѳанасія: „наши возлюбленные братія, смотря на цѣль Василія и приспособленіе къ обстоятельствамъ, должны прославлять Господа за то, что онъ

что сталъ какъ бы образцевымъ произведеніемъ природы. Василія любила вся паства, уважало свѣтское правительство, даже такой императоръ, который былъ покровителемъ аріанъ; его знакомствомъ дорожили ученые язычники, его превозносили похвалами современные ему епископы, болѣе извѣстные по своей вѣрѣ и святости жизни. Правая вѣра и добрые нравы пасомыхъ,

---

далъ Каппадоніи такого епископа, какого бы желала имѣть всякая страна“ (къ Паллад. и Іоанну). Григорій Нисскій, при всей родственной близости къ Василію, находилъ для себя всего лучшимъ называть Василія учителемъ, какъ будто это было собственное имя его брата, и въ похвальномъ своемъ словѣ сравниваетъ его съ апостоломъ Павломъ, Моисеемъ и Іоанномъ Крестителемъ. Если судить по писаніямъ Василія, то нельзя сказать, замѣчаетъ Григорій, что онъ не былъ восхищенъ и до третьяго неба; ибо онъ подобно Павлу проникъ въ тайны Божества. Ефремъ Сиринъ считалъ такъже непремѣнно долгомъ возвѣстить о заслугахъ Василія своимъ соотечественникомъ, и въ похвальномъ словѣ называетъ его самыми почтительными именами, примѣнительно къ духу восточнаго краснорѣчія, именно: онъ именуетъ его основаніемъ добродѣтелей, книгою похвалъ, жизнію чудесъ, драгоцѣннымъ смычкомъ духовной цѣвницы, услаждающимъ область святыхъ ангеловъ, и яслями догматовъ; кромѣ сего Ефремъ говоритъ, что поелику Василій возлежалъ всегда на писаніяхъ, отдыхалъ на апостольскихъ пажитяхъ, то слово его текло какъ рѣка, и рѣчи его были подобны розѣ и лиліи, шафрану и корицѣ, что онъ возсѣдалъ въ ульяхъ добродѣтелей и выдѣлывалъ медъ Божественной и неукоризненной вѣры. Св. Софроній Іерусал. называлъ Василія славою и ьрасотою церкви, блажен. Ѳеодоритъ свѣтиломъ вселенной, Сократъ опорою истины.

благоговѣніе и умилительность богослуженія, слава духовенства, утѣшеніе несчастныхъ, благотворительность нуждающимся всякаго рода, благосостояніе всѣхъ православныхъ церквей и взаимное единеніе самихъ епископовъ, раздѣленныхъ неосновательными подозрѣніями, все это было предметомъ самой дѣятельной заботливости Василія. Не недоставало къ славѣ имени Василіева и дарованій Св. Духа. Такъ по его молитвамъ получилъ исцѣленіе ипархъ Модестъ (109 стр. пох. сл. Григ.). О прибытіи въ Кесарію св. Ефрема Сирина, по увѣренію сего послѣдняго, Василій извѣщенъ былъ Духомъ Святымъ. Такимъ образомъ если даже не признавать подлиннымъ сочиненіемъ св. Амфилохіи иконійскаго приписываемую ему жизнь Василія, которая помѣщается въ славянскихъ Четьминеяхъ, то отсюда нельзя еще заключать, что будто писатель, хотя бы это и не Амфилохій, не имѣлъ въ основаніи своихъ сказаній истиннаго преданія.

Какъ бы то ни было, мы увѣрены, что для истинныхъ чадъ правосл. церкви дороги и вожделѣнны всякія достовѣрныя сказанія о жизни и дѣяніяхъ такого великаго святителя, и потому соберемъ всѣ свѣдѣнія о немъ изъ источниковъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Василій Великій происходилъ по отцу и по матери отъ такихъ фамилій, о которыхъ долгое время помнили и говорили каппадокіяне съ ве-

ликимъ уваженіемъ и благодарностію. Григорій Богословъ не зналъ фамиллій, въ которыхъ были бы столь часты примѣры военачальства, народоправленія, могущества при царскихъ дворахъ, также богатства, гражданскихъ почестей и блистательнаго краснорѣчія, какъ въ фамиліи предковъ Василія. Но по суду христіанскому всего досточестнѣе должно быть въ предкахъ Василіевыхъ ихъ глубокое благочестіе. Въ гоненіе Максиминово дѣдъ его по матери скончался мученическою смертію за имя Христово, а дѣдъ по отцѣ лишенъ былъ имѣнія и со всѣмъ своимъ семействомъ, немногими знакомыми и слугами семь лѣтъ укрывался въ лѣсу на горахъ понтійскихъ. Ихъ страданія на открытомъ воздухѣ были для нихъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ въ большемъ довольствѣ жили они до гоненія. При этомъ естественно имъ приходилось терпѣть недостатокъ и скудость въ пищѣ. Но Богъ, по молитвамъ и желанію ихъ, говоритъ св. Григорій Богословъ, посылалъ имъ впрочемъ иногда нѣчто и къ услажденію. Такъ утомленные временемъ и ослабѣвшіе отъ продолжительнаго поста и сухоядѣнія, они пожелали однажды мясной пищи, и для сего рѣшились выйти на ловитву, но напередъ съ простотою вѣры открыли предъ Богомъ свои желанія и молитвенно воспомянули всѣ чудеса, совершенныя Моисеемъ въ пустыни аравійской. И что же? Едва только вышли на охоту, говоритъ Григорій Богословъ, вскорѣ,

невѣдомо откуда, взялись на холмахъ олени. И какіе рослые, какіе тучные, какъ охотно поспѣшающіе на закланіе! Можно было почти догадываться, что они негодуютъ, почему не прежде были вызваны. Никто не гналъ, не понуждалъ ихъ. Они связаны были молитвою и праведнымъ прошеніемъ. Послѣ сего пустынники стали еще ревностнѣе къ тому подвигу, за который получили такую награду, то есть къ молитвѣ. Эти высокія христіанскія добродѣтели: терпѣніе, вѣра, пламенная молитва, примѣръ которыхъ имѣлъ предъ своими глазами въ состояніи воспитанія отецъ Василія, по имени также Василій, перешли и къ сыну и прочимъ членамъ семейства, коихъ всѣхъ было до десяти человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ были епископами, какъ Василій, Григорій и Петръ, нѣкоторые дѣвственниками, а нѣкоторые, говоритъ Григорій Богословъ, обязались и супружествомъ, впрочемъ такъ, что и супружеская жизнь не воспрепятствовала имъ наравнѣ съ первыми преуспѣть въ добродѣтели.

Старшій между братьями Василій родился въ то время, когда св. Аѳанасій уже успѣлъ стяжать себѣ славу поборника православія и уже съ годъ времени управлялъ церковію Александрійскою въ санѣ епископа (именно въ 329 году). Еще во дни младенчества тяжкая болѣзь угрожала Василію смертію, но, по молитвамъ отца, онъ вскорѣ выздоровѣлъ и былъ порученъ руковод-

ству бабки своей — Макрины, которая жила въ сельскомъ уединеніи близъ Неокесаріи. Чему и какъ она обучала своего внука, взявъ его изъ дома отеческаго въ первыя лѣта дѣтства, объ этомъ можно судить по тому, что св. Василій въ послѣдствіи, какъ на лучшее доказательство правоты своей вѣры, указывалъ на первоначальное свое воспитаніе въ дому Макрины. Вотъ его слова: «о вѣрѣ же моей какое доказательство можетъ быть яснѣе того, что воспитанъ я бабкою, блаженною женою? Говорю о знаменитой Макринѣ, отъ которой заучилъ я изреченія блаженнаго Григорія неокесарійскаго, сохранившіяся до нея по преемству памяти, и которыя и сама она соблюдала, и во мнѣ еще съ малолѣтства напечатлѣвала, образуя меня догматами благочестія». По возвращеніи отъ бабки въ домъ родительскій, сами родители занялись образованіемъ своего сына. Отецъ Василія еще до рукоположенія во священника славился своимъ краснорѣчіемъ, а потому онъ ознакомилъ сына съ началами риторики. Но кромѣ того онъ продолжалъ и ученіе, начатое бабкою. Въ одномъ (228) письмѣ св. Василій пишетъ, что онъ въ дѣтствѣ еще слышалъ отъ своего отца о томъ, въ какомъ смыслѣ говорится, что Іисусъ Христосъ незнаетъ дня и часа кончины міра. Мать Василія Еммелія болѣе занималась образованіемъ его сердца и помогала ему при чтеніи священ. Писанія. По свидѣтельству Григорія Нисскаго,

сестра Василія—Макрина подъ руководствомъ матери изучала притчи Соломоновы и такъ полюбила книгу псалмовъ, что, вставала ли съ ложа, принималась ли за ученіе, отдыхала ли предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, идучи ко сну, стоя на молитвѣ, вездѣ она имѣла при себѣ псалтирь, какъ добрую спутницу, которая нигдѣ не отлучается отъ своей подруги. Также конечно мать обучала и сына. Поэтому конечно, указывая на домашнее воспитаніе, св. Василій писалъ о себѣ: я съ младенчества сталъ изучать св. Писаніе и не перемѣнилъ въ послѣдствіи мыслей о Богѣ; но то понятіе о предметахъ вѣры, какое пріобрѣлъ съ дѣтства отъ отца и матери моей и бабки Макрины, то понятіе возрастало во мнѣ, и я усовершалъ только преподанныя ими мнѣ начала (пис. 215).

Еще въ юношескихъ лѣтахъ ясно опредѣлилось благочестивое настроеніе Василія. По выраженію Григорія Богослова, онъ съ ревностію молодаго коня стремился къ добродѣтели и не отставалъ отъ старшихъ въ высокихъ порывахъ добродѣтели. Посему родители Василія не усумнились для дальнѣйшаго образованія отправить его, несмотря на то, что онъ еще не былъ крещенъ, къ языческимъ наставникамъ. Родину Василія и мѣсто будущаго его служенія—Кесарію можно было назвать съ Григоріемъ Богословомъ митрополіею наукъ, такъ что, еслибы кто лишилъ ее первенства въ наукахъ, то отнялъ

бы у нея самую лучшую ея собственность. Сюда-то, въ кесарійскія училища, послѣ домашняго образованія и отправленъ былъ Василій изъ Неокесаріи—мѣста временнаго пребыванія его родителей. Здѣсь вскорѣ превзошелъ онъ «своихъ товарищей во всякомъ родѣ свѣденій и поравнялся съ учителями, пріобрѣлъ большую славу и у простолюдиновъ и у первостепенныхъ гражданъ, потому что обнаруживалъ въ себѣ ученость выше возраста и твердость нрава выше учености». Онъ былъ, по словамъ Григорія Богослова, риторомъ между риторами еще до каѳедры софиста, философомъ между философами еще до выслушанія философскихъ положеній, а что всего важнѣе, іереемъ для христіанъ еще до священства. Тогдашній архіепископъ кесарійскій Діаній такъже показывалъ предпочтительное расположеніе къ Василію. Въ Кесаріи же каппадокійской положилъ начало своему научному образованію и св. Григорій Богословъ и скоро замѣтилъ во вновь поступившемъ въ школу товарищѣ, по его собственному выраженію, отрѣшеніе отъ міра и пребываніе съ Богомъ, и это побудило его предпочесть Василія всѣмъ другимъ товарищамъ. Изъ Кесаріи, увлекаемый жаждою познаній, Василій отправился въ Константинополь, потому что Византія также славилась совершеннѣйшими софистами и философами,—и при естественной своей даровитости въ короткое время собралъ у нихъ все отличнѣйшее. Здѣсь однимъ изъ

учителей Василія былъ риторъ Ливаній, который любилъ своего ученика самою живѣйшею любовію. Но Аѳины—отечество Платона и Демосѳена были въ это время самою высшею обителію наукъ, куда стекались ревнители учености со всѣхъ концевъ имперіи. Въ эту эпоху, граничившую съ упадкомъ наукъ и искуствъ, умирающій елинизмъ напрягалъ всѣ послѣднія силы свои; здѣшніе софисты всѣми пріемами своего краснорѣчія старались привлекать къ себѣ юношество, со всѣмъ усиліемъ раскрывали изящество древнихъ произведеній поэзіи и высокое значеніе философіи, давали глубокій нравственный смыслъ самымъ безнравственнымъ миѳамъ. Въ Аѳинскомъ училищѣ нѣкоторые съ особенною ревностію занимались софистикой, имѣя въ виду главнымъ образомъ борьбу съ христіанствомъ. При всемъ этомъ въ это лучшее училище словесности, хотя и языческое, стекались дѣти и христіанскихъ родителей, подобно тому какъ нѣкогда русскіе православнаго исповѣданія отдавали дѣтей своихъ въ коллегіи іезуитовъ; въ Аѳины стремился и Василій, но съ цѣлію принесть всѣ плоды образованія въ жертву евангельскому ученію. Здѣсь уже ожидалъ Василія Кесарійскій пріятель и готовилъ ему въ пріемѣ доказательство истинной дружбы. Ждали здѣсь Василія и многіе другіе и притомъ съ обширными и великими надеждами; имя его еще до прибытія повторялось въ устахъ у многихъ. Но нужна была вся преду-

предительность Григорія, чтобы удовольствіе видѣть себя предметомъ общаго расположенія не было отравлено для Василія нѣкоторыми странными обрядами, которыхъ держалось тогда Аѳинское училище и которые сами собой напоминаютъ знающимъ множество дурачествъ въ средневѣковой жизни университетовъ европейскихъ. Всякій новопоступающій подвергался этимъ унизительнымъ обрядамъ и невольно дѣлался посмѣшищемъ при первой неосторожности. Для Василія, искавшаго одной истины и постоянно благоговѣйнаго, это было бы нестерпимо, и, можетъ быть, онъ лучше рѣшился бы отказаться отъ намѣренія быть аѳинскимъ студентомъ, нежели сдѣлаться предметомъ глупыхъ шалостей, какія дозволяли себѣ аѳинскіе юноши. Примѣръ этихъ шалостей св. Григорій указываетъ въ грубомъ пріемѣ всякаго, кто только являлся въ Аѳины для обученія: ученики софистовъ не только незнатнаго рода и имени, но и благородные, получившіе уже извѣстность, въ торжественномъ сопровожденіи отводили новоприбывшаго чрезъ площадь въ баню, а подходя къ ней, поднимали громкій крикъ и начинали плясать какъ изступленные; за тѣмъ послѣ продолжительной пляски заставляли новичка выломать двери въ баню. Только подъ этимъ условіемъ давали новичку свободу и встрѣчали его изъ бани, какъ человѣка, съ ними равнаго и включеннаго въ ихъ собратство. Зная дурныя при-

вычки своихъ товарищей, Григорій убѣдилъ обходиться съ Василіемъ уважительнѣе, и слѣдствіемъ сего было то, что почти онъ одинъ изъ прибывшихъ принятъ былъ безъ обычныхъ дурачествъ. Кромѣ сего въ Аѳинахъ были и такіе изъ прежнихъ знакомыхъ и даже пріятелей Василія, которые встрѣтили его съ злобною завистію. Такъ отзывается св. Григоріи о пришельцахъ Арменіи: они вскорѣ по прибытіи Василія вступили съ нимъ въ какой-то ученый споръ, въ которомъ твердо надѣялись одержать надъ нимъ верхъ и на первый разъ желали представить его человѣкомъ не понимающимъ самыхъ простыхъ истинъ. Не подозрѣвая низости побужденій, самъ Григорій сначала поддерживалъ сторону противниковъ Василія и, придавъ имъ силу своимъ вмѣшательствомъ, ввелъ въ битву равныя силы; но когда же замѣтилъ цѣль собесѣдованія, то какимъ-то нечаяннымъ изворотомъ далъ возможность Василію одержать побѣду надъ своими соперниками. Василій понялъ, въ чемъ дѣло, и, исполненный ревности, не прежде переставъ поражать, по выраженію Григорія, отважныхъ смѣльчаковъ своими силлогизмами, какъ принудивъ ихъ къ совершенному бѣгству, и рѣшительно взявъ надъ ними верхъ. Эти два случая убѣдили Василія въ преданности въ нему Григорія, и они постепенно тѣснѣе и тѣснѣе соединялись между собою узами дружбы.

Но при всемъ видимомъ уваженіи, съ какимъ

встрѣтили Василія большая часть аѳинскихъ студентовъ, и послѣ побѣды надъ завистниками Аѳины сначала произвели на Василія непріятное впечатлѣніе. Когда, надѣясь великаго, вдругъ получаемъ ожидаемое, тогда оно кажется намъ ниже составленнаго мнѣнія. Василій подвергся, говоритъ Григорій Богословъ, именно этой человѣческой немощи, сдѣлался печаленъ, сталъ скорбѣть духомъ, готовъ былъ осуждать самъ себя за пріѣздъ въ Аѳины, и называлъ Аѳины обманчивымъ блаженствомъ. Приближенный другъ поспѣшилъ внушить ему въ этомъ состояніи раздумья и грусти, что ни о людяхъ, ни объ урокахъ учителей недолжно судить по первымъ впечатлѣніяхъ, напомянулъ ему о томъ, что какъ характеръ человѣка можетъ быть извѣданъ не вдругъ, но только съ продолженіемъ времени, и при обращеніи совершенно короткомъ, такъ и ученость познается не по немногимъ, и не по маловажнымъ опытамъ. Напоминаніе объ этихъ простыхъ истинахъ разсѣяло большую часть скорби Василія; онъ успокоился, и около 4-хъ или 5-ти лѣтъ слушалъ уроки языческихъ учителей и аѳинскихъ софистовъ, особенно Имерія и Проэресія. О занятіяхъ Василія и успѣхахъ въ наукахъ Григорій выражается такимъ образомъ: «у него неотставали другъ отъ друга ни прилежаніе, ни даровитостъ, отъ которыхъ знанія и искусства получаютъ силу.... Грамматика, реторика, астрономія, философія по преимуще-

ству нравственная, музыка, физика, медицина и естественная исторія были изучены имъ съ такою основательностію, съ какою другой не изучаетъ и одного предмета; каждую изучалъ онъ до такого совершенства, какъ бы неучился ничему другому».

Когда по прошествіи нѣкотораго времени, говоритъ Григорій Богословъ, открыли мы другъ другу и желанія свои и предметъ оныхъ любомудріе, тогда уже стали другъ для друга все: и товарищи и сотрапезники и родные; одну имѣя цѣль, мы непрестанно возрастали въ пламенной любви другъ къ другу.... Оба мы домогались не того, чтобы которому изъ насъ самому стать первымъ, но какимъ образомъ уступитъ первенство другъ другу, потому что каждый изъ насъ славу друга почиталъ собственною славою. Казалось, что одна душа въ обоихъ поддерживаетъ два тѣла. И хотя не заслуживаютъ вѣроятія утверждающіе, что все разлито во всемъ, однакоже должно повѣрить намъ, что мы были одинъ въ другомъ и одинъ у другаго. У обоихъ насъ одно было упражненіе—добродѣтель, и одно усиліе до отшествія отсюда, отрѣшаясь отъ здѣшняго, жить для будущихъ надеждъ. Къ сей цѣли мы направляли всю жизнь и дѣятельность и поощряли другъ друга къ добродѣтели... Мы вели дружбу и съ товарищами; но не съ наглыми, а цѣломудренными, не съ здорными, а съ миролюбивыми, съ которыми можно было не

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

безъ пользы сойтись. Ибо мы знали, что легче заимствовать порокъ, нежели передать добродѣтель, такъ какъ скорѣе можно заразиться болѣзнію, нежели сообщить другому свое здоровье. Что касается до уроковъ, то мы не столько любили пріятнѣйшіе, сколько совершеннѣйшіе. Намъ извѣстны были двѣ дороги: одна — это первая и превосходнѣйшая—вела къ нашимъ священнымъ храмамъ, куда ходили по преимуществу слушать христіанскія наставленія, другая вела къ наставникамъ наукъ внѣшнихъ. Другія же дороги на праздники, въ зрѣлища, въ народныя стеченія на пиршество предоставляли желающимъ. Ибо вниманія достойнымъ не почитали того, что не ведетъ къ добродѣтели, и недѣлаетъ лучшимъ своего любителя. У другихъ бываютъ иныя прозванія; или отцевскія или свои, по роду собственнаго званія и занятія; но у насъ одно великое дѣло и имя — быть и именоваться христіанами... Для другихъ душепагубны Аѳины, потому что изобилуютъ худымъ богатствомъ — идолами, которыхъ тамъ больше, нежели въ цѣлой Эллядѣ, такъ что трудно не увлечься за другими, которые ихъ защищаютъ и хвалятъ; однако же небыло отъ нихъ никакого вреда для насъ съ Василіемъ, напротивъ того, живя въ Аѳинахъ, мы утвердились въ вѣрѣ, потому что узнали обманчивость и лживость идоловъ, и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются; и ежели дѣйствительно есть, или только

въ народномъ вѣрованіи существуетъ такая рѣка, которая сладка, когда течетъ и чрезъ море, и такое животное, которое прыгаетъ въ огнѣ всеистребляющемъ: то мы походили на это въ кругу своихъ сверстниковъ.... Чрезъ сіе самое пріобрѣли мы не только извѣстность у своихъ наставниковъ и товарищей, но и въ цѣлой Элладѣ, особенно у знатнѣйшихъ мужей Эллады. Слухъ о насъ доходилъ и за предѣлы ея, какъ дѣлалось это явно изъ разсказа о томъ многихъ. Ибо кто только зналъ Аѳины, тотъ слышалъ и говорилъ о нашихъ наставникахъ, а кто зналъ нашихъ наставниковъ, тотъ слышалъ и говорилъ о насъ».

Къ концу 5-лѣтняго пребыванія въ Аѳинахъ Василій достигъ 25 лѣтняго возраста. Надобно было возвращаться на родину. Насталъ день отъѣзда и, какъ обыкновенно бываетъ при отъѣздахъ, начались, говоритъ Григорій Богословъ, прощальныя рѣчи, проводы, упрашиванія остаться, рыданія, объятія, слезы. Василія и Григорія окружила толпа друзей и сверстниковъ, между ними были нѣкоторые и изъ учителей; тѣ и другіе увѣряли, что ни подъ какимъ видомъ не отпустятъ ихъ изъ Аѳинъ, и послѣ просьбъ и убѣжденій прибѣгли даже и къ мѣрамъ принудительнымъ. Григорій не могъ отказать такимъ живымъ и искреннимъ выраженіямъ душевной къ нему пріязни. Василій остался непреклоннымъ, и удерживавшіе противъ воли согласились на

его отъѣздъ. Онъ возвращался, по словамъ Григорія Богослова, какъ корабль, столько нагруженный ученостію, сколько сіе вмѣстительно для человѣческой природы. Но при всемъ этомъ хотѣлъ еще ознакомиться съ философіей Евстафія, вѣроятно, ученика Ямвлихова, своего соотечественника; впрочемъ не нашелъ его ни въ Константинополѣ, ни въ Кесаріи и принужденъ былъ отказаться отъ своего желанія.

По возвращеніи въ домъ родительскій Василію самому предстояло теперь званіе учителя: и Кесарія и Неокесарія убѣдительно просили Василія принять на себя образованіе юношества. Изъ Неокесаріи явилось къ ученику Ливанія съ этимъ предложеніемъ посольство изъ почетныхъ гражданъ и всѣ, толпою окруживши его, употребляли всѣ возможныя убѣжденія, высказывали многія и очень лестныя обѣщанія, но онъ не принялъ предложеній. Отечественному же городу не могъ отказать въ подобной просьбѣ. Платя дань міру, далъ нѣсколько публичныхъ чтеній въ кесарійской школѣ, и эти чтенія сопровождались шумными рукоплесканіями. Но послѣ этихъ опытовъ блистательнаго краснорѣчія родная сестра Василія—строгая дѣвственница и подвижница Макрина, стала думать, что аѳинская ученость породила въ ея братѣ излишнее о себѣ мнѣніе; въ надеждѣ смирить это самомнѣніе, она вмѣстѣ съ матерію поспѣшила оторвать своего брата отъ обольстительнаго по ея мнѣнію поприща. Отецъ Василія

скончался года за три до возвращенія его изъ Аѳинъ; внушенія любимой и старшей сестры, подкрѣпляемыя совѣтомъ матери и именемъ почившаго отца, должны были сильно подѣйствовать на душу Василія, да и самъ по себѣ онъ не имѣлъ расположенія жить для зрѣлища или на показъ, и не дорожилъ рукоплесканіями своихъ учениковъ и слушателей; итакъ вскорѣ отказался онъ отъ публичныхъ чтеній, а вскорѣ за симъ поспѣшилъ очистить себя отъ всѣхъ грѣховъ, принявъ святое крещеніе, вѣроятно, отъ кесарійскаго архіепископа Діанія.

Образъ жизни и занятій послѣ крещенія предначертанъ былъ по взаимному совѣщанію съ Григоріемъ еще въ Аѳинахъ. Именно еще здѣсь они изъявили рѣшительное желаніе по возвращеніи изъ Аѳинъ посвятить себя монашеской жизни въ какой нибудь пустынѣ и никогда не разлучаться другъ съ другомъ. Теперь надлежало только позаботиться объ исполненіи обѣщанія, высказаннаго другу. Но Григорій сверхъ всякаго ожиданія прислалъ письмо, въ которомъ читались такія слова: «признаюсь, измѣнилъ я обѣщанію жить и любомудрствовать вмѣстѣ съ тобою, какъ далъ слово еще въ Аѳинахъ во время тамошней дружбы и тамошняго сліянія сердецъ. Но измѣнилъ не добровольно, а потому, что законъ, повелѣвающій прислуживать родителямъ, превозмогъ надъ закономъ товарищества и взаимной привычки. Впрочемъ и въ этомъ не измѣню совершенно, если

ты будешь согласенъ на тоже самое. Иногда я буду у тебя, а иногда ты самъ благоволишь навѣщать меня, чтобы все было у насъ общее и права дружбы остались равночестными». Тяжело было слышать о такой перемѣнѣ мыслей, но нельзя было осуждать за нее, по уваженію къ долгу дѣтей въ отношеніи къ родителямъ. Притомъ письменныя сношенія показали, что только на время отлагаетъ Григорій исполненіе своего обѣщанія. Оставленный другомъ Василій почелъ за нужное предварительно посѣтить палестинскихъ и египетскихъ пустынножителей для того, какъ самъ говоритъ, чтобы научиться отъ нихъ, какъ не заботиться о мірской жизни и не вдаваться душею ни въ какое пристрастіе (пис. 45). 357 годъ весь прошелъ въ путешествіяхъ уже не для научнаго образованія, какъ прежде, но для изученія жизни подвижнической. Александрія, Оиванда, Келесирія, Месопотамія представили ему множество примѣровъ изумительнаго самоотверженія, неутомимыхъ молитвъ и подвиговъ любви. Въ его душѣ совершенно утвердилось желаніе подражать житію такихъ людей, каковы были сіявшіе въ то время въ мірѣ иноческомъ Пахомій, два Макарія, Пафнутій и сонмы ихъ сподвижниковъ. Къ томуже онъ не терялъ еще надежды на то, что и Григорія въ непродолжительномъ времени привлечетъ на свою сторону. Но и разсказы о впечатлѣніяхъ, какія произвело на Василія путешествіе по иноческимъ пустынямъ,

не могли отклонить Григорія отъ попеченія о родителяхъ, нуждавшихся въ его содѣйствіи. Василій одинъ рѣшился принять на себя всѣ заботы объ устроеніи монастыря и предначатіи подвижнической жизни, по примѣру видѣнныхъ имъ пустынножителей. Его бесѣды съ неокесарійцами и каппадокійцами вскорѣ нашли ему подражателей и соучастниковъ въ образѣ жизни.

ГЛАВА II.

Мѣстоположеніе пустыни Василіевой.— Отвѣтъ Григорія Богослова на приглашеніе въ эту пустыню. — Занятія Василія въ пустынѣ и отзывъ Григорія о здѣшней жизни. — Первые подвиги ревности Василія въ борьбѣ съ аріанами.— Противодѣйствіе его замысламъ Юліана.— Посвященіе Василія во пресвитера и письмо къ нему по сему случаю Григорія.—Огорченія Василію со стороны кесарійскаго епископа.— Противодѣйствіе Василія аріанамъ, покушавшимся ввести свою ересь въ Кесаріи. — Заботливость Василія о своихъ пасомыхъ во время голода и о присоединеніи къ православной церкви полуаріанъ.

Въ Понтѣ, не вдалекѣ отъ Неокесаріи и Чернаго моря, на дикихъ берегахъ рѣки Ириса, въ своихъ собственныхъ дачахъ жили благочестивая Еммелія, мать Василія, и святая Макрина, сестра его, окруженныя соборомъ женщинъ, давшихъ обѣтъ безбрачной жизни. Противоположная берегу гора, заросшая густымъ лѣсомъ, представ-

ляла всѣ удобства для основанія мужскаго монастыря. Здѣсь и поселился Василій съ учениками, которые прежде другихъ вняли его увѣщаніямъ и совѣтамъ. Избранное мѣсто вполнѣ соотвѣтствовало его желаніямъ. Почему въ одномъ изъ писемъ къ Григорію, живописно изображая свою пустыню, эту колыбель восточнаго монашества, онъ шутливо смѣялся надъ Тиверіномъ, мѣстопребываніемъ Григорія, загороднымъ селеніемъ близъ Назіанза.

Вотъ извлеченіе изъ этого замѣчательнаго письма: « Пора уже мнѣ удалиться въ Понтъ, гдѣ напослѣдокъ, если угодно Богу, положу, можетъ быть, конецъ своему скитанію. Съ трудомъ отказавшись отъ напрасныхъ надеждъ, какія имѣлъ нѣкогда на тебя, иду теперь въ Понтъ учиться, какъ жить. Здѣсь конечно указываетъ мнѣ Богъ мѣсто, въ точности соотвѣтствующее моему нраву. Это высокая гора, покрытая частымъ лѣсомъ, на сѣверной сторонѣ орошаемая холодными и прозрачными водами, но подъ горою стелется покатая долина непрестанно утучняемая влагами изъ горы. Кругомъ долины самъ собою выросшій лѣсъ, изъ различныхъ всякаго рода деревъ, служитъ ей какъбы оградой. Съ двухъ сторонъ прорыты глубокіе овраги, а съ боку рѣка служитъ также непрерывной и неприступной стѣной. Поелику же гора тянется въ обѣ стороны и луковидными изгибами примыкаетъ къ оврагамъ, то доступы въ подгорье заграждены.

Одинъ только есть въ него входъ, которымъ владѣемъ мы. За мѣстомъ нашего жительства есть другой гребень, возвышенную свою вершину подъемлющій надъ горою, и съ него вся равнина развертывается передъ взоромъ. Съ высоты можно видѣть и текущую мимо равнины рѣку; эта рѣка, будучи быстрѣе всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, свирѣпѣетъ нѣсколько при сосѣднемъ утесѣ, и отражаясь отъ онаго, кружится въ глубокомъ водоворотѣ, чѣмъ доставляетъ мнѣ и всякому зрителю весьма пріятный видъ; въ пучинахъ своихъ она питаетъ и неизчислимое множество рыбъ. Нужно ли говорить о земной прохладѣ, о вѣтеркахъ съ рѣки? Множеству цвѣтовъ, и нѣвчихъ птицъ пусть дивится кто другой, а у меня нѣтъ досужаго времени обращать на это вниманіе. Изъ всего, что могу сказать о своемъ убѣжищѣ, наиболѣе важно то, что по удобству положенія будучи способно произращать всякіе плоды, для меня оно возращаетъ сладотнѣйшій изъ плодовъ-безмолвіе, потому что нетолько освобождаетъ отъ городскихъ мятежей, но и незаводитъ къ намъ ни одного путника, кромѣ встрѣчающихся съ нами на звѣриной ловлѣ. Ибо сверхъ всего прочаго здѣсь водятся и звѣри, впрочемъ не медвѣди или волки, какъ у васъ въ Тиверинѣ; нѣтъ, здѣсь живутъ стада оленей, дикихъ козъ, зайцы и тому под. Поэтому разсуди, какой опасности подвергся бы я скудоумный, еслибы подобное убѣжище упорно вздумалъ промѣнять на

Тиверинъ—эту земную пропасть». Такое поэтическое описаніе ясно свидѣтельствуетъ о глубокомъ сочувствіи автора шестоднева къ красотамъ мѣстоположенія, но не могло привлечь Григорія. Григорій хотя и сильно желалъ побывать въ пустынѣ Василіевой, но взаимно шутя надъ разборчивостію мѣстъ, подавалъ видъ, что письмо Василіево нѣсколько показалось ему страннымъ. «Положеніе мѣста, писалъ онъ, не много значитъ и неможетъ въ душѣ моей произвести сколько нибудь влеченія къ тому, чтобы жить съ вами вмѣстѣ, пока не узнаю чего нибудь о вашемъ образѣ жизни и о препровожденіи у васъ времени». Кромѣ сего Григорій дозволилъ себѣ посмѣяться надъ описаніемъ выбраннаго мѣста для монастыря. Вотъ его собственныя слова: «въ правду или шутку ты смѣешься и чернишь все наше...; я же буду дивиться твоему Понту и понтійскому сумраку, этому жилищу достойному бѣглецовъ, этимъ висящимъ надъ головой гребнямъ и дикимъ звѣрямъ, этой лежащей въ низу пустынькѣ или кротовой норѣ, съ почетными именами: обители, монастыря и училища, этимъ лѣсамъ дикихъ растеній, этому вѣнцу стремнистыхъ горъ, которымъ вы не увѣнчаны, но заперты. Буду дивится тому, что въ мѣру у васъ воздухъ и въ рѣдкость солнце, которое какъбы сквозь дымъ видите вы, понтійскіе киммеріане, люди безсолнечные, не на шестимѣсячную только осужденные ночь, но даже никогда въ жизни небывающіе безъ тѣни, люди,

у которыхъ цѣлая жизнь одна длинная ночь.... Рѣка у васъ велика и стремительна, непреходима, мутна и негодна для питья, въ одномъ только снисходительна, что неуноситъ вашей обители, когда горные потоки и ненастья приводятъ ее въ ярость. Невыхвхляй мнѣ и тѣхъ луковидныхъ изгибовъ, которые больше подавляютъ, нежели ограждаютъ подходъ въ ваше подгорье, не хвали мнѣ и этихъ провѣвающихъ вѣтерковъ, и этой земной прохлады, которые освѣжаютъ васъ утомленныхъ до омраченія, не хвали и пѣвчихъ птицъ, которыя хотя воспѣваютъ, но голодъ, хотя порхаютъ, но въ пустынѣ. Никто къ вамъ не заходитъ, развѣ для того, какъ говоришь ты, чтобы погонятся за звѣрями, присовокупи же къ этому, и посмотрѣть на васъ, живыхъ мертвецовъ»... Такъ дружески и простосердечно осмѣивалъ сначала святый Григорій мѣстоположеніе Василіева монастыря. Но занятія Василія имѣли высокую важность, и онъ съ твердою увѣренностію ожидалъ отъ устройства своей пустыни великихъ и благотворныхъ послѣдствій и для себя и для другихъ. Еслибы онъ вздумалъ устроить монастырь въ лѣтахъ старческихъ, послѣ того какъ почуствовалъ или утомленіе отъ трудовъ по дѣламъ обширной митрополіи, или крайнюю суетность земной славы и почестей, съ которыми и тогда соединялось высокое служеніе Археіерейское; еслибы въ то время принялся за устройство монастырей, то стремленіе его къ аскетизму было

бы не такъ удивительно. Но Василій всею душею предался заботамъ о заведеніи монастырскаго братства по особому чину, въ лѣтахъ еще юношескихъ и немедленно по совершеніи ученыхъ путешествій во всѣ знаменитыя школы, послѣ блистательнаго окончанія курса наукъ. Посему нельзя не благоговѣть предъ такимъ основателемъ монастырской общины. Въ своей пустынѣ святый Василій занимался часто и учеными трудами, каково изъясненіе Писанія и чтеніе предшествовавшихъ ему по времени отцевъ и писателей церковныхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ составленная въ это время книга подъ названіемъ: *Добротолюбіе*. А это еще болѣе можетъ мирить историковъ съ взглядомъ Василія на аскетическую жизнь. Если бы онъ искалъ уединенія изъ одной любви къ подвижничеству: то нельзя было ничѣмъ объяснить несоразмѣрности его всестороннаго образованія съ избраннымъ родомъ жизни. Но теперь это затрудненіе совершенно изчезаетъ.

Василій не провелъ еще и трехъ лѣтъ въ своей пустынѣ, какъ «эта лежащая внизу пустынька, по выраженію Григорія Богослова, кротова нора», получила уже почетныя названія: обители, монастыря, училища. Уже эти одни названія приводятъ къ мысли, что къ концу 3-хъ лѣтнихъ своихъ аскетическихъ подвиговъ, Василій успѣлъ собрать вокругъ себя большое количество людей, которые хотѣли подражать его образу жизни и

руководствоваться его наставленіями. Недовольствуясь тѣмъ, что многіе изъ каппадокійцевъ изъявляли готовность раздѣлять съ нимъ подвижническіе труды по одному слуху о его образѣ жизни, Василій, по словамъ Руфина, и самъ обтекалъ многіе села и города и своею вдохновенною проповѣдію воспламенялъ лѣнивыхъ и безпечныхъ понтійцевъ до такого самоотверженія, что они наперерывъ повергали предъ своимъ учителемъ часть своихъ имѣній, оставляя всѣ мірскія почести, и давали обѣтъ жить только для Бога. Множество учениковъ, приходившихъ въ пустыню къ Василію, побудило его положить начало жизни киновитовъ, т. е. такихъ монаховъ, которые въ отличіе отъ еремитовъ — уединяющихся жили бы въ сообществѣ другъ съ другомъ и могли оказывать пособіе другъ другу. Новое письмо Василія къ Григорію, гдѣ основатель понтійской пустыни съ довольною подробностію изложилъ правила подвижнической жизни, принятыя имъ для монастыря, описалъ внѣшную жизнь своихъ подвижниковъ и напомянулъ о пользѣ уединенія, чтенія писаній и молитвы, подѣйствовало на Григорія гораздо сильнѣе; онъ захотѣлъ посмотрѣть вновь устроенный монастырь и посѣтивъ Василія съ его братствомъ, немогъ отыскать достойныхъ похвалъ введенному здѣсь образу жизни. Вотъ собственное его признаніе въ томъ: «Что прежде писалъ я о понтійскомъ препровожденіи времени, то была шутка, а не правда;

а что пишу теперь, то уже очень правда. Кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежнихъ дней, въ которые я ѵвеселялся съ тобою злостраданіемъ? Кто дастъ мнѣ сіи псалмопѣнія, бдѣнія и молитвенныя къ Богу преселенія? Кто дастъ жизнь какъбы невещественную и безплотную? Кто дастъ согласіе и единодушіе братій, которыхъ ты ведешь на высоту и къ обоженію? Кто дастъ соревнованіе и поощреніе къ добродѣтели, которое мы ограждали письменными уставами и правилами? Кто дастъ поденныя и ручныя работы— переноску дровъ, тесаніе камней, сажаніе и поливаніе растеній? Кто дастъ этотъ золотой яворъ, подъ которымъ сиживалъ не царь пресыщенный, но монахъ изнуренный, который насадилъ я, напоилъ Аполлосъ или твоя пречестность, а возрастилъ Богъ къ моей чести, чтобы сохранился онъ у васъ памятникомъ моего трудолюбія? Легче пожелать всего этого, но не такъ легко получить сіе... Охраняй же меня своими молитвами, чтобы неразсѣяться мнѣ по немногу, какъ разсѣевается тѣнь съ преклоненіемъ дня. А я тобою дышу болѣе, нежели воздухомъ, и тѣмъ единственно живу, что бываю ли съ тобою вмѣстѣ или розно, но мысленно всегда неразлученъ». Такъ сильно желалъ св. Григорій поселиться въ пустынѣ Василіевой, и подчиниться всѣмъ правиламъ его обители. Это тѣмъ удивительнѣе, что угощеніе, предложенное Григорію при посѣщеніи Василія, было очень скудное, и что онъ раздѣлялъ здѣсь

съ Григоріемъ труды не высокіе и даже такіе, которые не называютъ благородными. Хижина, въ которой жилъ Василій, не имѣла ни порядочныхъ дверей, ни огня, ни кровли; это былъ, по выраженію Григорія, кровъ безъ крыши и дверей, очагъ безъ огня и дыма, и стѣны высушенныя на огнѣ. За трапезой подавалось правда и горячее какое-то кушанье, но съ такимъ хлѣбомъ, по кускамъ котораго, отъ крайней его черствости или сухости, зубы сначала скользили, а потомъ вязли въ нихъ и съ трудомъ вытаскивались, какъ изъ болота. Все это слова самого Григорія. Слѣдствіемъ же сего сухоядѣнія были такія страданія, отъ которыхъ если бы неизбавила дорогаго гостя великая нищелюбица, матерь Василія, и не принесла съ собою болѣе вкусныхъ и питательныхъ печеній, то можно было бы опасаться за здоровье юныхъ друзей подвижниковъ. Кромѣ общихъ молитвъ, чтеній св. Писанія, ученыхъ трудовъ, были и другія занятія, переноска дровъ, тесаніе камней, сажаніе и поливаніе; въ придачу къ этому на собственныхъ же своихъ плечахъ Григорій и Василій возили въ огороды телегу величиною съ гору, а эта телега наполнена была навозомъ. Всѣ эти обстоятельства конечно достаточно характеризуютъ направленіе Василія, занятаго устройствомъ своей обители. Если припомнимъ, что его правила для иноковъ стали впослѣдствіи закономъ для всего монашества восточнаго, то ясна будетъ и причина, почему съ такою подроб-

ностію собраны здѣсь свѣденія о занятіяхъ св. Василія по окончаніи курса наукъ въ Аѳинахъ.

Сколь ни пріятны были для Василія заботы объ устроеніи монастыря, но по нуждамъ Вселенской церкви, онъ долженъ былъ прерывать пустынныя занятія и предпринимать отдаленныя путешествія даже за предѣлы своего отечества. Весьма вѣроятно, что юнаго пустынника посѣщали въ его уединеніи нѣкоторые епископы, отправлявшіеся на соборы по случаю различныхъ смутъ церковныхъ. Они сообщали ему достовѣрныя извѣстія о современномъ состояніи православія, о замыслахъ аріанъ, и вызывали его на борьбу съ врагами, возмущавшими покой церкви. Такъ онъ еще въ качествѣ чтеца церкви Кесарійской присутствовалъ на томъ самомъ Константинопольскомъ соборѣ въ 360 году, на которомъ усильно подвизался за православіе Иларій Поатьерскій, и подобно Иларію не только въ Константинополѣ, но и въ окрестностяхъ его Халкидонѣ и Гераклеѣ съ искусствомъ и силою защищалъ истину въ спорахъ съ еретиками. Какъ сильно ревновалъ онъ теперь о чистотѣ вѣры и какъ глубоко понималъ догматы ея, видно и изъ того, что по возвращеніи съ собора, онъ прервалъ общеніе съ своимъ епископомъ Діаніемъ, подписавшимся подъ двусмысленнымъ аріанскимъ символомъ. Естественно можно было опасаться, что подобное дѣйствіе сочтено будетъ непокорностію и даже возмущеніемъ противъ

епископа; но ревность по истинѣ не дозволяла Василію принимать на себя ложный видъ. Послѣ обличенія епископа въ неправославіи онъ не находилъ удобнымъ жить среди своего братства. Посему онъ удалился на короткое время въ Назіанзъ, но и отсюда вразумлялъ своихъ понтійскихъ иноковъ посланіями, въ которыхъ излагалъ истинное ученіе о спорномъ догматѣ; важнѣйшее же сочиненіе, написанное около этого времени, было опроверженіе апологіи Евноміевой, это самое лучшее пособіе для тогдашнихъ христіанъ въ спорѣ съ аріанами. Поэтому-то и говоритъ Созоменъ, что Василій еще въ царствованіе Констанція славился какъ ревностный защитникъ православія противъ послѣдователей Арія.

Въ царствованіе Юліана Василій, по свидѣтельству тогоже Созомена, ходя вездѣ, всенародно и открыто убѣждалъ христіанъ держаться своихъ догматовъ, не оскверняться языческими жертвами и возліяніями, и ни во что вмѣнять даруемыя отъ царя почести. Изъ этихъ сказаній Созомена о Василіѣ можно съ вѣроятностію заключить, что Василій, и по возобновленіи своего общенія съ епископомъ Діаніемъ, не могъ подолгу жить въ своей мирной обители, хотя ожидалъ и искалъ здѣсь полнаго успокоенія. Частыя отлучки изъ монастыря дѣйствительно были необходимы по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Юліанъ въ наказаніе за разрушеніе языческаго

храма Счастія наложилъ на христіанъ кесарійскихъ тяжкую пеню и всѣхъ клириковъ приказалъ внести въ списокъ областнаго войска, въ которомъ служба почиталась самою убыточною и низкою (Созом. 5, 4.); кромѣ сего онъ съ клятвою угрожалъ, что если Кесарійскіе христіане не воздвигнутъ капище, онъ не согласится оставить головы на ихъ плечахъ. Зная обо всемъ этомъ, св. Василій и письменно увѣрялъ друзей своихъ, что замыслы отступника скоро разрушатся, и сравнивалъ его возвышеніе съ болиголовомъ или волчьимъ корнемъ и другими ядовитыми растеніями, которыя не долго цвѣтутъ и скоро засыхаютъ.

Чѣмъ усильнѣе заботился Василій о распространеніи монашества, чѣмъ ревностнѣе противодѣйствовалъ замысламъ и аріанъ и Юліана, тѣмъ съ большею надеждою смотрѣлъ на него преемникъ Діанія Евсевій, особенно при новыхъ покушеніяхъ аріанъ при Валентѣ. Не смотря на желаніе Василія проводить жизнь въ своей уединенной пустынѣ, въ 364 году Евсевій рукоположилъ Василія въ пресвитера, и заставилъ его жить при своемъ архіерейскомъ домѣ. Состояніе духа Василіева послѣ этого разлученія съ пустынею было такъ неспокойно, что нужно было утѣшеніе со стороны друзей. И Григорій Назіанзинъ не замедлилъ утѣшить новопоставленнаго пресвитера. Онъ писалъ Василію слѣдующее: «и ты взятъ въ плѣнъ, какъ и я,

включенъ въ списокъ; оба мы принужденно возведены на степень пресвитерства, хотя добивались и не этого, ибо достовѣрнѣе всякаго другаго можемъ засвидѣтельствовать мы другъ о другѣ, что намъ по сердцу любомудріе тихое, которое держится низу. Но хотя можетъ быть и лучше было бы, если бы не случилось съ нами этого, однако же, поелику случилось это, надобно терпѣть, особенно принявъ во вниманіе время, которое у насъ развязало языки многимъ еретикамъ, надобно терпѣть и не посрамить какъ надежду возложившихъ на насъ свое упованіе, такъ и собственную жизнь свою». Дѣйствительно Василій покорился призванію и всѣ свои силы посвящалъ трудамъ пресвитерскаго служенія, особенно проповѣданію слова Божія; его бесѣды на шестодневъ, на псалмы и другія относятся къ этому именно времени. Въ санѣ пресвитера не оставилъ Василій попеченія и объ инокахъ имъ собранныхъ, какъ это видно изъ наставительныхъ къ нимъ писемъ; но кромѣ сего у него было много и другихъ заботъ, по которымъ онъ отказывался теперь даже отъ переписки съ прежними друзьями (п. 20.). А при этомъ на новомъ поприщѣ онъ скоро пріобрѣлъ себѣ такое уваженіе, какимъ не пользовался и самъ архіепископъ, еще не довольно опытный въ дѣлахъ церковныхъ, такъ какъ онъ избранъ былъ на престолъ Кесарійскій изъ оглашенныхъ (Гр. Б. п. 88.). Но едва прошелъ годъ его пресвитерства, какъ епископъ Евсевій,

находившійся въ подозрѣніи у народа, завидуя славѣ Василія, сталъ притѣснять и оскорблять его. Охлажденіе любви между епископомъ и пресвитеромъ было весьма замѣтно и для постороннихъ. Иноки приняли сторону своего настоятеля и отваживались на самое опасное дѣло, замышляли отдѣлиться отъ своего епископа, отсѣкши и не малую часть народа изъ низкаго и высокаго сословія. Желая предотвратить такое возмущеніе, Василій, по совѣту Григорія Богослова, вмѣстѣ съ нимъ предался бѣгству и удалился изъ Кесаріи въ свою мирную пустыню.

Слухъ о томъ, что императоръ Валентъ ведетъ съ собою аріанскихъ епископовъ, чтобы водворить и въ Кесаріи злочестивое ученіе, и письма Григорія, отца Григорія Назіанзина, вскорѣ впрочемъ расположили Евсевія къ примиренію съ Василіемъ; желаніе примиренія было такъ сильно, что Евсевій первый рѣшился писать просительное и пригласительное письмо къ изобиженному пресвитеру. Но миролюбивый пустынникъ, узнавъ о перемѣнѣ мыслей и расположенія Евсевія, хотѣлъ совершенно побѣдить любовію и великодушіемъ своего врага; по совѣту Григорія, Василій самъ пришелъ въ Кесарію прежде епископскаго приглашенія. Возвращеніе его было какъ нельзя болѣе кстати и во время; это потому, что скопище еретиковъ уже напало на кесарійскую церковь и одни изъ нихъ уже явились, и производили безпокойство, а другіе обѣщали явиться,

много полагаясь на неопытность тогдашняго предстоятеля (Похв. сл. Гр.). Василій вскорѣ далъ узнать имъ, какъ напрасна была ихъ надежда. И въ настоящемъ случаѣ въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ Василія, ревности объ истинѣ, по словамъ Григорія Богослова, соотвѣтствовали твердость воли и благоразуміе. Но въ чемъ именно состояла дѣятельность Василія въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ пресвитерскаго его служенія, неизвѣстно. Указаніе на это заключается только въ слѣдующихъ общихъ выраженіяхъ друга Василіева. «Тотчасъ по узнаніи опасности, говоритъ Григорій, Василій отправляется со мною изъ Понта, дѣлается добровольнымъ споборникомъ истины и самъ себя предаетъ на служеніе матери Церкви,.. примиряется, подаетъ совѣты, приводитъ въ порядокъ воинство, уничтожаетъ встрѣчающіяся препятствія, преткновенія и все то, на что положившись, противники воздвигли на насъ брань. Одно пріемлетъ, другое удерживаетъ, а иное отражаетъ. Для однихъ онъ твердая стѣна и оплотъ, для другихъ млатъ, сотрыющій камень. Съ сего времени и церковное правленіе перешло къ Василію, хотя по каѳедрѣ занималъ онъ второе мѣсто. Ибо былъ у предстоятеля всѣмъ добрымъ совѣтникомъ, правдивымъ предстателемъ, истолкователемъ Божія слова, наставникомъ въ дѣлахъ, жезломъ старости, опорою вѣры, самымъ вѣрнымъ въ дѣлахъ внутреннихъ, самымъ дѣятельнымъ въ дѣлахъ внѣшнихъ. А въ отноше-

ніяхъ его къ Евсевію было какое-то чудное согласіе и сочетаніе власти: одинъ управлялъ народомъ, а другой управляющимъ. Василій уподоблялся укротителю львовъ, своимъ искусствомъ смиряя властителя, который имѣлъ нужду въ руководствѣ и поддержкѣ, потому что показывалъ еще въ себѣ нѣкоторые слѣды мірскихъ привычекъ, и не утвердился въ духовномъ». «Но много, продолжаетъ Григорій, и другихъ доказательствъ Василіевой заботливости и попечительности о Церкви; таковы: смѣлость Василія предъ начальниками, какъ вообще предъ всѣми, такъ и самыми сильными въ городѣ, его рѣшенія распрей, чрезъ употребленія обратившіяся въ законъ; его предстательство за нуждающихся, большею частію въ дѣлахъ духовныхъ, а иногда и въ плотскихъ, препитаніе нищихъ, странноприимство, попеченіе о дѣвахъ, чиноположеніе молитвъ, т. е. вѣроятно литургія извѣстная подъ именемъ Василія Великаго; благоукрашеніе олтаря и многое иное, чѣмъ только Божій воистину человѣкъ можетъ быть полезнымъ народу».

Не въ общихъ выраженіяхъ, но съ подробностію разсказалъ Григорій только о подвигѣ благотворительности Василія во время пресвитерства при открывшемся сильномъ голодѣ. Это было въ 368 г. Весь городъ изнемогалъ отъ постигшей засухи, ни откуда небыло ни помощи, ни средствъ къ облегченію зла. Самъ Василій

яркими красками описалъ это общественное бѣдствіе. Вотъ его слова: «зима по сухости своей неимѣла обычной ей мокроты, но оковала льдомъ и изсушила всю влагу. Весна хотя показала теплоту, но не пріобщилась влажности. Отъ сильной засухи земля разсѣлась трещинами, обильные и неизсыхающіе источники оскудѣли, потоки большихъ рѣкъ до того изсякли, что малыя дѣти могли переходить ихъ на своихъ ногахъ. Въ поляхъ засѣянныхъ иныя сѣмена засохли до всхода, а другія и давъ зелень жалкимъ образомъ увяли отъ зноя; посему съ наступленіемъ обычныхъ дней жатвы, можно было сказать вопреки евангелію: дѣлателей много, а жатвы нѣтъ ни малой. Земледѣльцы, сидя на нивахъ и сложивъ руки на колѣнахъ (обыкновенное положеніе сѣтующихъ), горько оплакиваютъ напрасно потерянные труды свои, посмотрятъ на молодыхъ дѣтей и начнутъ рыдать, устремятъ взоръ на женъ и зальются слезами, потрогаютъ и пощупаютъ сухія листья взошедшихъ стеблей и громко зарыдаютъ». Всего несноснѣе въ подобныхъ случаяхъ безчувственность и ненасытность богачей. Они хотѣли извлекать прибытокъ изъ скудости, собирать жатву съ бѣдствій. Василій въ это время былъ обремененъ скорбію по случаю кончины своей матери, равныхъ которой по достоинствамъ (какъ писалъ одному епископу) невидѣлъ въ оставшихся; кромѣ сего онъ былъ въ изнеможеніи оскудѣвающихъ силъ и только

съ часу на часъ ожидалъ неминуемаго конца жизни; при всемъ этомъ Василій неоставилъ свою паству безъ утѣшенія. Онъ собралъ въ одно мѣсто изнемогавшихъ отъ голода, иныхъ даже едва дышавшихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій возрастъ, (чрезъ служителей) приказалъ выставить котлы полные овощей и соленыхъ припасовъ, и своими руками раздалъ хлѣбъ, похлебку большей части требующихъ, и нѣкоторымъ притомъ не погнушался омыть ноги, на угощеніе голодавшихъ употребилъ большую часть имущества, оставшагося послѣ матери; его благотвореніями пользовались въ сіе время даже и дѣти Іудеевъ. Вслѣдъ за этимъ угощеніемъ онъ сказалъ сильное и трогательное слово, въ которомъ доказывалъ, что отъ того изсохла земля, что изсякла любовь, и что немногіе принимали участіе съ нимъ въ церковныхъ молитвахъ, да и изъ тѣхъ, которые приходили въ церковь, многіе зѣвали, непрестанно оборачивались и наблюдали, скоро ли псалмопѣвецъ окончитъ стихословіе, и скоро ли они освободятся изъ церкви, какъ изъ училища, и отъ молитвы, какъ отъ неволи». Такъ какъ увѣщаніе къ благотворительности было подкрѣплено живымъ примѣромъ проповѣдника, то богачи послѣ сего отворили свои житницы и доставили пропитаніе изнемогавшимъ отъ голода.

Св. Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ Василію говоритъ только о пресвитерскихъ тру-

дахъ и заботахъ его, относящихся до кесарійской паствы. Письма же самого Василія содержатъ довольно ясное указаніе и на внѣшнія сношенія церкви кесарійской, предпринятыя по его ревности и вліянію: эти сношенія еще болѣе объясняютъ то мѣсто изъ похвальнаго слова Василію, въ коемъ сказано, что со времени примиренія Евсевія съ Василіемъ церковь православная дѣйствительно перешла къ послѣднему. Вотъ свѣденія, какія передаетъ объ этомъ предметѣ Василій въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ: еще въ санѣ пресвитерскомъ самымъ сильнымъ и искреннимъ желаніемъ его было присоединеніе къ Церкви тѣхъ полуаріанъ, которые начинали искать союза съ православными, когда увидѣли, что Валентъ никого нетерпитъ, кромѣ аріанъ. Ему сильно хотѣлось еще соединить между собою раздѣленныхъ взаимными недоразумѣніями и недовѣрчивостію православныхъ архипастырей, каковы были Аѳанасій александрійскій и Мелетій антіохійскій, и утвердить союзъ между восточными и западными церквами; извѣстно, что западные въ царствованіе Валента не оказывали восточнымъ никакого вспоможенія въ борьбѣ съ аріанствомъ, тогда какъ при ихъ болѣе дѣятельномъ содѣйствіи скорѣе можно было низложить аріанъ, или по крайней мѣрѣ ослабить ихъ силу. Для первой цѣли Василію нужно было или отправиться самому, или послать довѣренныхъ на соборъ въ Лампсакѣ,

куда собрался полуаріанскіе епископы для уничтоженія опредѣленія того константинопольскаго собора, бывшаго въ 360 г., на коемъ постановлено исповѣдывать Сына Божія, какъ хотѣлось полуаріанамъ, только подобнымъ Отцу по писаніямъ. Василій избралъ послѣднее; въ Лампсакъ (п. 215) отправились другъ его Евстаѳій и многіе другіе, и они были напутствованы въ Евсевоѣ продолжительнымъ разсужденіемъ о вѣрѣ, которое тогда-же записано было скорописцами. Свѣденій о томъ, что во время пресвитерства сдѣлано для соглашенія двухъ архипастырей, не осталось ни какихъ. Но по отношенію къ послѣдней цѣли, т. е. вразумленію западныхъ епископовъ, обстоятельства устроились такъ благопріятно для Василія, что друзьямъ его, тремъ епископамъ, поручено было войти въ сношеніе съ тогдашнимъ папою Ливеріемъ и просить помощи у западнаго императора. Въ слѣдствіе сего общеніе съ римскою церковію получено и съ радостно открыто на соборѣ Тіанскомъ, который состоялся подъ предсѣдательствомъ Евсевія кесарійскаго. Но дѣянія сего собора не дошли до насъ.

ГЛАВА III.

Избраніе Василія въ епископа кесарійскаго. — Состояніе церквей каппадокійскихъ въ это время. — Примиреніе съ Василіемъ дяди его и другихъ епископовъ. — Письма Василія къ епископамъ.—Усиленіе аріанства.—Просительныя письма о помощи къ западнымъ епископамъ. — Объясненіе Василія съ префектомъ Модестомъ. — Прибытіе въ Кесарію императора Валента и бесѣда съ нимъ Василія въ алтарѣ. — Приговоръ къ изгнанію Василія изъ Кесаріи и отмѣненіе сего приговора.— Новыя нападенія аріанъ на церкви каппадокійскія при намѣстникѣ Димосѳенѣ. — Усильная просьба Василія къ западнымъ епископамъ о содѣйствіи восточной Церкви въ борьбѣ съ аріанами. — Причины, по которымъ не оказано было испрашиваемое содѣйствіе.

Къ концу шестилѣтняго пресвитерскаго служенія умеръ кесарійскій архіепископъ Евсевій, и самъ Василій подвергся такой тяжкой болѣзни, что ожидалъ себѣ скорой смерти. Посему вызывалъ къ себѣ друга своего Григорія только для того, чтобы передать ему свою послѣднюю волю (Похв. сл. Григ.). Но сверхъ всякаго ожиданія, какъ только начали проходить болѣзненные припадки, епископы, собравшись въ Кесарію, по случаю смерти Евсевія, предоставили больному Василію полное управленіе кесарійскою Церковію. Это было сдѣлано главнымъ образомъ по настоянію назіанзскаго епископа, отца Григоріева. Впрочемъ только завистники и самые порочные граждане неохотно соглашались на избраніе Ва-

силія въ епископа. Причина же, по которой они не изъявляли согласія, вовсе не заслуживала уваженія, тѣмъ болѣе, что, возводя Василія на степень епископа, нужно было только de jure сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ давно онъ былъ уже de facto. Они указывали на болѣзненное состояніе Василія. «Но вы избираете не борца, а учителя, съ силою отвѣчалъ на это епископамъ отецъ Григорія Богослова. Я увѣренъ, что есть и другіе, достойные предстоятельствовать у васъ, но никого изъ уважаемыхъ вами не могу предпочесть боголюбимѣйшему сыну нашему, пресвитеру Василію, мужу (говорю это предъ свидѣтелемъ Богомъ), и въ жизни и въ ученіи достигшему чистоты болѣе всякаго другаго; онъ вполнѣ способенъ противостать нынѣшнему времени и преобладающему языкоболію еретиковъ» (Григ. Бог. п. 34.). И Евсевію самосатскому тотъже Григорій писалъ: «еслибы сподобились мы предоставить епископскую каѳедру Василію, то знаю, что пріобрѣли бы великое дерзновеніе предъ Богомъ и сдѣлали бы великое благодѣяніе пригласившему насъ народу» (п. 36.).

Дѣйствительно, самыя событія скоро для всѣхъ сдѣлали явнымъ, что предоставленное Василію высокое служеніе было дѣломъ не человѣческой милости, но Божія промышленія о Церкви. «Удостоенный предсѣдательства, Василій не только ничѣмъ не посрамилъ ни своего любомудрія, ни надежды ввѣрившихъ ему служеніе, но еще

оказывался, по выраженію Григорія Богослова, непрестанно превосходящимъ самого себя, потому что получилъ большой кругъ дѣйствій и при власти нашелъ больше предметовъ, гдѣ показать себя. Быть не худымъ, продолжаетъ Григорій, или сколько ни есть, и какъ ни есть, добрымъ, онъ почиталъ добродѣтелію частнаго человѣка, а въ начальникѣ и предстоятелѣ, по его суду, и то уже порокъ, если онъ не оказывается постоянно лучшимъ и лучшимъ, и если не соразмѣряетъ добродѣтели съ саномъ и высокостію престола». Въ письмахъ, писанныхъ Василіемъ во время его епископства, онъ нерѣдко и въ сильныхъ выраженіяхъ упоминалъ о множествѣ дѣлъ и заботъ, обременявшихъ его до разслабленія силъ. «Такъ много у меня дѣлъ, говоритъ наприм. въ одномъ письмѣ, и такъ они необычайны, что нужно было бы вести ежедневную исторію, которую и составилъ бы я, если бы непрерывность событій не отвлекала меня отъ моего намѣренія». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ еще: «велико число обдежащихъ меня дѣлъ, тысячами заботъ объята у меня мысль, и только кратковременное отдохновеніе я могу улучить отъ постоянныхъ моихъ недосуговъ». Но до насъ дошли только отрывочныя свѣденія о тѣхъ мѣрахъ, какія онъ употреблялъ, для умиренія недовольныхъ имъ епископовъ, для прекращенія безпорядковъ между кесарійскимъ духовенствомъ и для противодѣйствія коварнымъ замысламъ

аріанъ, которые нападали какъ на его митрополію, такъ и на другія восточныя церкви. Изъ изложенія сихъ-то сохранившихся свѣденій и слагается историческая жизнь Василія Великаго, какъ архіепископа кесарійскаго.

Церкви зависѣвшія отъ митрополіи кессарійской, по словамъ самого Василія, — въ началѣ его епископства находились въ такомъ же почти худомъ состояніи, какъ и его тѣло (п. 30 къ Евсевію). Недоброжелательные люди причинили ему много огорченій, и даже произвели раздѣленіе въ Церкви каппадокійской тотчасъ, какъ только удалились изъ Кесаріи епископы, болѣе другихъ благопріятствовавшіе Василію, именно Евсевій самосатскій и Григорій назіанзскій. Молва неблагопріятная для Василія быстро распространилась и въ отдаленныхъ странахъ, и вредныя послѣдствія угрожали не одному или двумъ, но цѣлымъ городамъ и народамъ (п. 59.). Даже какой-то дядя Василія, епископъ Григорій, нехотѣлъ имѣть съ нимъ общенія. Отъ епископа Воспорія Василій получилъ извѣстіе о томъ, что нѣкоторые обвиняли его въ чрезмѣрной строгости къ уклонившимся отъ православія и клеветали на него, будто онъ, еще будучи священникомъ, епископа своего Діанія предалъ проклятію за то, что послѣдній по неосторожности подписалъ еретическое исповѣданіе вѣры. Извѣстіе это такъ обезпокоило Василія, что въ слѣдующую за тѣмъ ночь онъ немогъ заснуть, по

собственнымъ его словамъ, ни на минуту. Другіе же враги Василія называли его напротивъ слишкомъ снисходительнымъ къ неправомыслящимъ, потому что онъ сближался съ полуаріанами. У кесарійскаго архіепископа было въ подчиненіи 50 хорепископовъ. По тогдашнимъ церковнымъ правиламъ они должны были съ согласія архіепископа назначать на праздныя вакансіи клириковъ. Но они взяли на себя все полномочіе и новому архипастырю даже не доносили о томъ, кого возводили на церковныя степени; дозволяли пресвитерамъ и діаконамъ причислять къ клиру людей недостойныхъ, по пристрастію, по родству или по какимъ нибудь дружескимъ связямъ. Были и такіе хорепископы, которые брали деньги съ рукополагаемыхъ и называли это безгрѣшнымъ, потому что брали деньги не до рукоположенія, но по рукоположеніи.

Для примиренія съ недовольными епископами, Василій не прибѣгалъ къ угодливости или хитрости (похв. сл. Гр.); онъ искусно умѣлъ растворять твердость съ уступчивостію. Когда нельзя было вступать съ клеветниками въ личное объясненіе, онъ отражалъ неблагопріятные для себя толки и пересуды письмами или къ тѣмъ лицамъ, которыя довѣряли нелѣпой молвѣ, или къ тѣмъ, которыя распространяли ее. Особенно прискорбно было для Василія нерасположеніе къ нему дяди его, епископа Григорія, человѣка во всѣхъ другихъ отношеніяхъ благонамѣреннаго

(п. 56.). Враги Василія съ удовольствіемъ смотрѣли на это несогласіе и говорили: если ближній его родственникъ не хочетъ имѣть съ нимъ общенія, то несомнѣнно, что есть къ тому достаточныя причины. Братъ Василія Григорій Нисскій, желая облегчить скорбь его, прибѣгъ къ хитрости, какъ оказалось, очень невыгодной и опасной для Василія; именно Григорій сначала самъ доставилъ ему вымышленное письмо будтобы отъ общаго имъ дяди, письмо, въ которомъ высказывалось сильное желаніе примиренія; потомъ съ служителемъ прислалъ два также подложныя письма, и въ этихъ письмахъ мнимый дядя тоже изъявлялъ готовность на примиреніе съ своимъ племянникомъ. Василій принялъ первое письмо съ чрезвычайною радостію, показывалъ его многимъ изъ друзей своихъ и благодарилъ Бога за радостное окончаніе непріязни. Извѣстіе объ этомъ передано было и дядѣ Василія; но онъ, какъ и слѣдовало ожидать, сталъ увѣрять, что не писалъ никогда письма Василію.—Василій приведенъ былъ чрезъ это въ большой стыдъ; отъ упрековъ, какіе приходилось ему слышать по этому случаю, желалъ даже, чтобы разступилась подъ нимъ земля. И о другихъ письмахъ также поздно было узнано, что они подложныя. Въ такихъ обстоятельствахъ Василій сдѣлалъ довольно рѣзкій письменный выговоръ брату, а дядю убѣдительно просилъ назначить мѣсто и время для личнаго объясненія по этому дѣлу.

Нужно было вразумить еще епископа Воспорія; св. Василій въ письмѣ къ нему раскрылъ свои отношенія къ предмѣстнику своему Діанію и требовалъ отъ клеветниковъ доказательствъ на то, гдѣ, когда и при комъ проклиналъ своего епископа. А монахинямъ, которыя соблазнялись общеніемъ Василія съ полуаріанами, онъ чрезъ письмо же раскрылъ и объяснилъ причины, почему заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія люди, которые съ отцами антіохійскаго собора, бывшаго противъ Павла самосатскаго, несоглашаются принять выраженіе: *единосущный*.

Послѣ свиданія съ Василіемъ дядя дѣйствительно помирился съ нимъ, а вслѣдъ за дядею и другіе недоброжелатели начали сближаться съ Василіемъ, приносили свое извиненіе и сколько прежде оказывали вражды, столько теперь расположенія, и добровольно уступали его разуму, признавали добродѣтель его для себя недосягаемою, и сопротивленіе ему или отступленіе отъ него почитали отчужденіемъ отъ Бога (пох. сл. Гр.). Въ этоже вѣроятно время и тѣ епископы, которые сначала негодовали и злословили Григорія епископа назіанзскаго за благорасположеніе къ Василію, извинялись предъ Григоріемъ, припадали къ его колѣнамъ и, отложивъ ненависть, признали его своимъ патріархомъ, законодателемъ и судіею (18 сл. Гр. Б. стр. 140.).

Въ сношеніяхъ съ хорепископами св. Василій при самомъ началѣ своего епископства показалъ

такую твердость, которую въ другихъ рѣдко можно встрѣчать и при концѣ жизни. Увѣрившись въ слухахъ касательно симоніи, онъ написалъ окружное посланіе и въ немъ рѣшительно угрожалъ хорепископамъ удаленіемъ отъ алтарей, если они и послѣ этого окружнаго посланія сдѣлаютъ что нибудь подобное. Въ предотвращеніе своеволія священниковъ, принимавшихъ къ себѣ въ причтъ людей недостойныхъ, Василій требовалъ отъ всѣхъ хорепископовъ, чтобы высланы были ему списки всѣхъ церковнослужителей сельскихъ съ означеніемъ, кѣмъ кто опредѣленъ и какого рода жизни, и самъ у себя завелъ подобный списокъ, чтобы никому невозможно было приписать себя къ клиру, когда захочетъ. Кромѣ сего онъ предписалъ тщательно изслѣдовать о всѣхъ принятыхъ дотолѣ церковникахъ, достойны ли они причетническихъ должностей, и недостойныхъ исключить въ число мірянъ; особенно же запрещалъ причислять къ клиру кого бы то ни было безъ своего утвержденія. Еще извѣстно сдѣланное Василіемъ подтвержденіе прежнихъ церковныхъ правилъ о томъ, чтобы лица духовнаго званія, вдовые или не вступившіе въ бракъ, не держали у себя ни подъ какимъ предлогомъ постороннихъ женщинъ (такъ называемыхъ сизиктовъ). Такія мѣры заботливости архипастыря объ улучшеніи клира возвысили духовенство кесарійское до такой степени, что сосѣдніе и отдаленные города про-

сили у Василія священнослужителей для благоустроенія своихъ Церквей и для назначенія ихъ на епископскія каѳедры. Такъ епископъ Иннокентій просилъ себѣ пресвитера изъ кесарійскаго клира (77 п.). Сатальскіе граждане просили у Василія себѣ епископа, и онъ далъ своего сродника, несмотря на слезы его прихожанъ и престарѣлой его матери (п. 28.). И св. Амфилохій иконійскій изъ кесарійскаго же клира просилъ кандидата на епископскую каѳедру въ Исаврiи (217. п.).

Бѣдствія, какія терпѣли православные отъ аріанъ, также причиняли много скорби Василію, хотя они касались не столько его митрополіи, сколько другихъ восточныхъ церквей. «Другіе, говоритъ Григорій Богословъ, смотрятъ только у себя подъ ногами, расчитываютъ только, какъ бы свое было въ безопасности, далѣе же не простираются и не могутъ выдумать или привести въ исполненіе ничего великаго и смѣлаго. Но Василій хотя во всемъ другомъ соблюдалъ умѣренность, въ этомъ же не зналъ умѣренности. Примѣчая, что наслѣдіе Божіе приведено въ худое положеніе, увлечено въ тысячи мнѣній и заблужденій, онъ не призналъ достаточнымъ въ безмолвіи оплакивать бѣдствіе и къ Богу только воздѣвать руки, напротивъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность и отъ себя привнесть нѣчто и оказать какую нибудь помощь; онъ не давалъ ни сна очамъ, ни дреманія вѣждамъ, и заботами

изнурялъ останокъ плотей дотолѣ, пока не нашелъ увраченія злу». Въ такихъ выраженіяхъ св. Григорій указываетъ на усильную заботливость своего друга о низложеніи аріанства за предѣлами своей митрополіи. Дошедшая до насъ переписка Василія Великаго съ восточными и западными епископами по сему дѣлу еще болѣе уясняетъ глубокій смыслъ выраженій Григорія. По свидѣтельству сихъ писемъ вотъ въ чемъ состояло худое положеніе православныхъ на востокѣ: «Аріане такъ усилились, говоритъ Василій, что предстоятели праваго ученія во всѣхъ епархіяхъ по клеветамъ насильственно лишаются своихъ церквей; и повсюду отъ предѣловъ Иллирика до Ѳиваиды свирѣпствуетъ зловредная ересь. И предсѣдательство въявь предлагается въ награду за нечестіе, такъ что кто произносилъ болѣе тяжкія хулы, тотъ предпочтительнѣе избирался на епископство въ народѣ; изчезла сановитость священническая, мало людей пасущихъ стадо Господне разумно; сбереженное для бѣдныхъ честолюбцы непрестанно тратили на свои удовольствія и на раздачу подарковъ». Тогдашній императоръ Валентъ, по выраженію Гр. Богослова (похв. сл.), скрежеталъ зубами на церковь, принимая на себя львиный образъ, рыкалъ какъ левъ и для многихъ былъ неприступенъ. Уже и первые опыты отважности сего царя покровителя аріанъ были: изгнаніе, описанія имуществъ, явные и скрытные

совѣты, принужденія за недостаточностію убѣжденій; сосженіе пресвитеровъ на морѣ, обагреніе безкровной жертвы кровьми людей и оскорбленіе стыдливости дѣвъ. Въ самой Кесаріи въ 371 г. (п. 68.), явился уже аріанскій епископъ, славившійся ученостію Евиппій; опасались прибытія еще единомысленныхъ съ нимъ епископовъ изъ Арменіи и Киликіи. Письменныя сношенія Василія съ друзьями при дворѣ императора Валента не имѣли успѣха; придворные отвѣчали только, что надобно благодарить Бога и за то, что состояніе православія еще не хуже. Итакъ св. Василій придумалъ слѣдующія, по словамъ Григорія (похв. сл.), весьма спасительныя средства: «сколько могъ, углубившись въ себя самого и затворившись съ духомъ, напрягаетъ всѣ силы человѣческаго разума, перечитываетъ всѣ глубины Писанія, дѣлаетъ возраженія еретикамъ, борется и препирается съ ними, отражаетъ ихъ чрезмѣрную наглость; къ однимъ идетъ самъ, къ другимъ посылаетъ, иныхъ зоветъ къ себѣ, даетъ совѣты, обличаетъ, запрещаетъ, угрожаетъ, укоряетъ, защищаетъ народы, города, людей частныхъ; тѣхъ, которые были подъ руками, низлагаетъ вблизи разящимъ оружіемъ, а тѣхъ, которые находились вдали, поражаетъ стрѣлами письменъ, вообще придумываетъ всѣ роды спасенія и врачуетъ всѣхъ». Однимъ изъ этихъ родовъ спасенія было сношеніе съ западными церквами, которое Василій началъ еще въ званіи

пресвитера, и которое еще тогда почиталъ надежнымъ способомъ къ уврачеванію зла. Незадолго предъ тѣмъ западные епископы успѣли низложить сильныхъ защитниковъ аріанства, епископовъ венгерскихъ Валента и Урзація, и Авксентія медіоланскаго. Потому можно было почти съ увѣренностію разсуждать, что если только западные захотятъ, то могутъ расположить въ пользу православія на востокѣ своего императора и чрезъ него подѣйствовать на Валента, который со дня на день усиливалъ гоненія противъ православныхъ. Склонятъ западныхъ къ тому, чтобы они убѣдили своего императора къ покровительству православнымъ, всего лучше было св. Аѳанасію Великому, который уже пользовался особеннымъ уваженіемъ на западѣ. И Василій убѣдительнѣйше просилъ св. Аѳанасія принять на себя это дѣло. Когда и большая часть восточныхъ епископовъ изъявили согласіе на сношеніе съ римскою церковію, Василій призналъ за лучшее въ дополненіе къ письму св. Аѳанасія и отъ себя написать письмо папѣ Дамасу; въ этомъ письмѣ онъ усердно просилъ папу прислать на востокъ людей опытныхъ и кроткихъ для вразумленія упорныхъ еретиковъ (пис. 70.). Но успѣхъ посольства не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Папа не удостоилъ Василія даже отвѣта. Вмѣсто требуемыхъ епископовъ присланъ былъ только діаконъ Савинъ съ частными письмами къ Василію отъ епископовъ

Иллирійскихъ, Италійскихъ и Галльскихъ, и съ извѣстіемъ объ опредѣленіи незадолго предъ тѣмъ бывшаго Римскаго собора [б]), которымъ отвергались всѣ другіе символы, кромѣ православнаго Никейскаго. Приличіе требовало, чтобы кто нибудь отъ общаго собранія посланный доставилъ западнымъ епископамъ вторыя письма, и Василій, вѣроятно по порученію св. Мелетія антіохійскаго, отъ лица 32 епископовъ восточныхъ написалъ уже къ западнымъ епископамъ вообще, а не къ папѣ, трогательное посланіе; въ семъ письмѣ онъ настоятельно просилъ своихъ собратій западныхъ прислать нѣсколько довѣренныхъ людей для составленія общаго съ ними собора, который бы могъ примирить разномыслящихъ самымъ большинствомъ голосовъ. Въ посланіи (92 п). было сказано: «просимъ васъ возбудиться ревностію по истинѣ и состраданіемъ къ намъ; просимъ васъ облечься *во утробы щедротъ*, отложить всякое медленіе, принять на себя трудъ любви и не брать въ расчетъ ни дальности пути, ни домашнихъ недосуговъ, ни другихъ человѣческихъ препятствій. Пока хранится еще слѣдъ древняго состоянія, прежде нежели постигло церкви совершенное крушеніе, поспѣшите къ намъ, поспѣшите же, ей, ей; просимъ васъ, искреннѣйшіе братья. Да подвигнется къ намъ

б) Соборъ былъ противъ Авксентія медіол. Созом. IV, 23 Θеод. II, 22. Пис. 89.

братское ваше сердоболіе, да проліются слезы сострадательности. Не пренебрегите тѣмъ, что половина вселенной погружена въ заблужденіе». Но это письмо очень не понравилось западнымъ, какъ выражается св. Василій, любителямъ точности, и на слѣдующій годъ прислано было обратно безъ всякаго исполненія и отвѣта (п. 133.). Хотя папа Дамасъ, по словамъ бл. Ѳеодорита, былъ украшенъ всѣми видами добродѣтелей, но св. Василій не далекъ былъ отъ мысли причину безуспѣшности посольства приписать надменности римскаго епископа, и послѣ сего онъ уже несчиталъ нужнымъ повторять предъ нимъ свою просьбу. «Что нужно, говорилъ Василій, о томъ было уже писано прежде, а писать излишнее совершенно напрасно. Безпокоить же объ одномъ и томъ же нѣсколько разъ не смѣшно ли будетъ»? Поэтому онъ совѣтовалъ только западнымъ принимать не безъ разбора въ общеніе съ собою всѣхъ приходящихъ съ востока, и не довѣряться всякому, кто подъ видомъ православія пишетъ свое изложеніе вѣры (п. 124.).

Но хотя обширная переписка св. Василія съ западными епископами не вполнѣ достигала желанной цѣли, за то собственный его примѣръ твердости въ исповѣданіи вѣры не остался безъ подражанія и пріобрѣталъ ему болѣе и болѣе друзей между ревнителями православія. Въ 371 году присланъ былъ въ Кесарію первый санов-

никъ имперіи, префектъ Модестъ, единственно для того, чтобы расположить Василія къ общенію съ аріанами, въ противномъ же случаѣ изгнать его изъ Кесаріи; но всѣ, напередъ расчитанныя, угрозы и льстивыя обѣщанія нимало не поколебали твердости кесарійскаго епископа. Это объясненіе Василія съ префектомъ есть такой подвигъ вѣры, для котораго у другихъ, облеченныхъ даже высшею гражданскою властію, въ подобныхъ случаяхъ недоставало силы воли и непреклоннаго дерзновенія. Такъ позднѣе, когда военачальникъ Гайна просилъ у императора Аркадія для единовѣрныхъ ему аріанъ особой церкви въ Константинополѣ, Аркадій готовъ былъ по малодушію уступить этому требованію; только совѣтъ и настояніе Златоуста спасли императора отъ униженія. Но и св. Златоуста могло воодушевлять въ этомъ дѣлѣ святой ревности между прочимъ сказаніе о Василіѣ д). Василію же въ настоящемъ случаѣ нужно было обладать еще бо́льшею силою воли и непреклонностію характера. Отъ него съ львиною яростію требовалъ быстраго отвѣта самый приближенный сановникъ государя, съ увѣреніемъ, что вслѣдъ за нимъ явится съ тоюже цѣлію преклонить Василія на сторону аріанъ и самъ

д) Григ. Нисскій въ 1 кн. противъ Евномія пишетъ: „кто изъ обитателей востока, кто изъ населяющихъ самые края нашей вселенной не зналъ борьбы Василія за истину съ преобладающими“?

императоръ. Какъ же отразилъ требованіе префекта Василій? Вотъ сказаніе объ этомъ друга Василіева Григорія Богослова [e]): «что съ тобою сдѣлалось, Василій, говорилъ префектъ, не удостоивая даже назвать его епископомъ, — какъ ты дерзнулъ возстать противъ самодержца и одинъ больше всѣхъ упрямишься? Для чего не держишься одной вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили?»—Не могу поклониться твари, отвѣчаетъ Василій, — будучи самъ Божія тварь.—«Но что же мы, по твоему мнѣнію? спросилъ правитель. Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ, и быть съ нами въ общеніи?»—Вы—правители, отвѣчалъ Василій,—и не отрицаю, что правители знаменитые, однако же не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами; впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою.—Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе воскипѣлъ гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста, и началъ говорить съ Василіемъ суровѣе прежняго. «Что же, сказалъ онъ, развѣ не боишься ты власти?»—Нѣтъ, что ни будетъ, и чего ни потерплю.—«Даже хотя бы потер-

---

e) Хотя объ этомъ говоритъ и Григорій Нисскій, но въ болѣе общихъ выраженіяхъ; обстоятельнѣе же передаетъ дѣло Григ. Богословъ, потому и пользуемся его словами.

пѣлъ ты отнятіе имущества, изгнаніе, истязаніе, смерть?»—Ежели можешь, угрожай инымъ; а это нимало насъ не трогаетъ. — «Какъ же это, и почему?» спросилъ правитель.—Потому, отвѣчаетъ святитель, что не подлежитъ описанію имуществъ, кто ничего у себя не имѣетъ; развѣ потребуешь отъ меня и этого волосянаго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, на которомъ живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни кинутъ, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я *пресельникомъ и пришлецемъ* (Пс. 38, 13.). Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе препошлетъ къ Богу, для Котораго живу и тружусь, для Котораго большею частію себя самого я уже умеръ, и къ Которому давно поспѣшаю.—Правитель, изумленный сими словами, сказалъ: «такъ и съ такою свободою никто доселѣ не говаривилъ передо мною».—Можетъ быть, отвѣчалъ Василій, ты не встрѣчался съ епископомъ: иначе, безъ сомнѣнія, имѣя дѣло о подобномъ предметѣ, услышалъ бы ты такія же слова. Ибо во всемъ иномъ, о правитель, мы скромны и смирнѣе всякаго, это повелѣваетъ намъ заповѣдь, и не только предъ такимъ могуществомъ, но даже предъ кѣмъ бы то ни было, не поднимаемъ брови; а когда дѣло о Богѣ, и противъ Него дерзаютъ возставать,

тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога. Огонь же, мечь, дикіе звѣри и терзающіе плоть когти скорѣе будутъ для насъ наслажденіемъ, нежели произведутъ ужасъ. Сверхъ этого оскорбляй, грози, дѣлай все, что тебѣ угодно, пользуйся своею властію. Пусть слышитъ о семъ и царь, что ты не покоришъ себѣ насъ и не заставишъ приложиться къ нечестію, какими ужасами ни будешъ угрожать.—«Императоръ хочетъ немногаго, были предпослѣднія слова префекта Модеста [c]); онъ хочетъ только, чтобы исключено было изъ символа слово: единосущный». Но святитель рѣшительно сказалъ: царю стать членомъ Церкви—это весьма важно, но допустить исключеніе въ изложеніи вѣры хотя бы одного слова, или прибавленіе и даже перемѣнить порядокъ въ написанномъ, никакъ не соглашусь

Вскорѣ прибылъ въ Кесарію самъ Валентъ. Модестъ донесъ ему: «побѣждены мы, царь, настоятелемъ этой церкви: это мужъ, который выше угрозъ, тверже доводовъ, сильнѣе убѣжденій». Императоръ какъ бы нехотѣлъ вѣрить, и для привлеченія Василія на свою сторону присылалъ еще къ нему многихъ изъ придворныхъ и людей военнаго званія, и проходящихъ должность судей, и женскихъ приставниковъ, и главнаго своего повара Димосѳена, который грозилъ

---

c) Гр. Нисс. противъ Евн. кн. 1, 12. (Твор. св. Отцевъ 1863, кн. I. стр. 64).

убить архипастыря своимъ поварскимъ ножемъ. Но всѣ эти послы должны были сознаться, что твердость архипастыря непреодолима. Послѣ сего царь показалъ столько благоразумія, что никакъ не соглашался употребить открытую силу противъ архіепископа, несмотря на совѣтъ царедворцевъ, а искалъ только случая переговорить съ Василіемъ лично. Наступилъ праздникъ Богоявленія, въ который Василій совершалъ богослуженіе въ своемъ соборномъ храмѣ. Въ Кесаріи не было аріанскихъ храмовъ. Посему и императоръ съ своею свитою вошелъ въ православную церковь, и присоединеніемъ къ народу показывалъ видъ нѣкотораго единенія съ нимъ въ вѣрѣ. Когда же слухъ Валента какъ громомъ пораженъ былъ начавшимся пѣснопѣніемъ, когда Валентъ увидѣлъ море народа, а въ алтарѣ и близъ онаго не столько человѣческое, сколько ангельское благолѣпіе; тогда пришелъ въ изнеможеніе; и взоръ и душа его покрылись мракомъ и пришли въ круженіе. При всемъ этомъ онъ самъ понесъ къ божественной трапезѣ дары, вѣроятно золотые сосуды, но никто изъ клира не прикасался къ нимъ, потому что не зналъ, приметъ ли ихъ отъ еретика архипастырь. Царь до того смутился, что не могъ твердо стоять на своихъ ногахъ, и если бы одинъ изъ служителеи алтаря не поддержалъ его, то произошло бы паденіе государя, достойное слезъ. При такомъ смущеніи онъ сдѣлался вовсе неспособнымъ

вступить въ бесѣду съ Василіемъ, и такимъ образомъ вышелъ изъ храма ни съ чѣмъ. Для вознагражденія первой неудачи, нужно было въ другой разъ посѣтить православную церковь. Въ это время Василій не былъ служащимъ, пригласилъ императора въ алтарь, гдѣ стоялъ самъ, и много говорилъ ему о божественныхъ догматахъ (Θеод. 4, 19.). Царь съ довольнымъ вниманіемъ слушалъ слова святителя, и хвалилъ его за мудрость, благолѣпіе въ священнослуженіи. Только бывшій тутъ между прочими сановниками, царскій поваръ Димосѳенъ укорилъ вселенскаго учителя за то, будто онъ допустилъ въ рѣчи какой-то барбаризмъ; на такое замѣчаніе Василій отвѣтилъ сначала только улыбкою, а потомъ когда замѣтилъ, что Димосѳенъ начиналъ сердиться и чѣмъ-то угрожать ему,—сказалъ: «твое дѣло заботиться о приправахъ къ похлебкамъ, а не постановлять божественные догматы» (Соз. 6, 16.). При этомъ свиданіи Валентъ не только не обнаружилъ никакого нерасположенія къ Василію, но, по свидѣтельству Θеодорита, былъ еще восхищенъ бесѣдою Василія. И Григорій Богословъ бывшій при этой бесѣдѣ засвидѣтельствовалъ, что этою бесѣдою Василія съ Валентомъ остановлена большая часть обидъ, какія дотолѣ наносимы были православнымъ.

Но твердость и постоянство не были достоинствами сего государя; по настоянію аріанскихъ епископовъ и своихъ придворныхъ, Валентъ

чрезъ нѣсколько времени рѣшился было подписать приговоръ объ изгнаніи Василія. Уже назначена была для приведенія въ исполненіе царскаго указа слѣдующая ночь, приготовлена была колесница, враги рукоплескали, благочестивые уныли, а друзья Василія съ глубокою скорбію смотрѣли на его спокойное приготовленіе къ отъѣзду. Осужденный на изгнаніе, по словамъ Григорія Б., онъ о томъ только позаботился, что одному изъ провожатыхъ сказалъ: «возьми записную книжку и слѣдуй за мной» (Похв. сл.). Въ это самое время единственный сынъ императора Галатъ заболѣлъ горячкою, и такъ сильно, что не помогали ни врачества, ни молитвы аріанскихъ епископовъ. Нельзя было не признать въ этомъ происшествіи дѣйствія наказующей руки Божіей. Императоръ хотя со стыдомъ, но вынужденъ былъ пригласить къ себѣ Василія. Василій пришелъ не отговариваясь, какъ сдѣлалъ бы другой, и тотчасъ съ его приходомъ горячка въ больномъ уменьшилась. Святитель обѣщалъ и совершенное выздоровленіе, но только въ томъ случаѣ, если надъ больнымъ совершатъ крещеніе православные. Но условіе не было принято и младенецъ померъ. Это же событіе такъ сильно подѣйствовало на Валента, что онъ немедленно отмѣнилъ приговоръ объ изгнаніи. Вскорѣ приключилась тяжкая болѣзнь и съ префектомъ Модестомъ. Но этотъ съ большимъ довѣріемъ прибѣгъ къ молитвамъ святителя и получилъ полное

исцѣленіе. Слухъ объ этихъ событіяхъ увеличивалъ славу архипастыря и усиливалъ къ нему расположеніе не только паствы, но и тѣхъ епископовъ, которые прежде не соглашались на предполагаемое имъ сношеніе съ западною церковію. По этимъ дѣйствіямъ Василія можно судить, какъ много истины въ слѣдующихъ словахъ Василія о самомъ себѣ (195 п.): «я поставленъ у всѣхъ на виду; подобно подводнымъ камнямъ выдавшимся изъ моря, на себя принимаю ярость еретическихъ волнъ, и онѣ разбиваясь о меня, не затопляютъ того, что за мною».

Только чрезъ 4 года аріане рѣшились сдѣлать новое нападеніе на церкви Кесарійской митрополіи. Но и въ это время бдительный архипастырь вѣрно предусмотрѣлъ приближавшуюся опасность и для отраженія ея принялъ всѣ возможныя мѣры (пис. къ Халкидянамъ въ 375 году.). «Пожаръ опустошившій большую часть востока, писалъ теперь Василій въ одномъ письмѣ, подвигается уже къ нашимъ предѣламъ и попаливъ все въ окрестности, усиливается коснуться церквей каппадокійскихъ, у которыхъ доселѣ вынуждалъ слезы только дымъ, достигавшій изъ сосѣдственныхъ странъ». Оправданіе этимъ словамъ опасливаго предчувствія вскорѣ представили слѣдующія событія. Въ первые годы епископства Василія, въ Каппадокіи былъ правитель Илія, который былъ истиннымъ стражемъ правды, былъ доступенъ обиженнымъ, страшенъ

преступникамъ закона, равно и бѣднымъ и богатымъ, и, что всего важнѣе, возвратилъ христіанству древнюю его честь (*утраченную при Юліанѣ*). Но по навѣту аріанъ высшія гражданскія должности Валентъ давалъ только врагамъ православія. Посему и этотъ правитель скоро лишенъ былъ своей должности, а на его мѣсто назначенъ былъ Димосѳенъ, человѣкъ, о которомъ Василій почиталъ справедливымъ въ одномъ письмѣ употребить такія выраженія: «прибылъ къ намъ намѣстникъ,—это первое и величайшее зло изъ всѣхъ золъ для Каппадокіи». Хотя онъ не имѣлъ никакого усердія къ дѣламъ вѣры, и не занимался ими, но столько любилъ еретиковъ, сколько ненавидѣлъ православныхъ. Среди зимы собралъ онъ въ Галатіи сонмище людей безбожныхъ и низложилъ тамъ православнаго епископа Ипсія, а на мѣсто его поставилъ Екдикія. По жалобѣ одного ничтожнаго человѣка велѣлъ привести къ себѣ подъ стражей Григорія Нисскаго, и несмотря на просьбы о немъ всей кесарійской церкви, назначилъ на его мѣсто во епископа въ Ниссы невольника, купленнаго за нѣсколько оволовъ, по своимъ нравамъ и вѣрѣ сходнаго съ Анисіемъ и Екдикіемъ, которыхъ Василій называетъ развращенными и подлыми. Дыша яростію и убійствомъ, по возвращеніи изъ Галатіи, всѣхъ священнослужителей церкви Димосѳенъ причислилъ къ вѣдомству городской думы. Въ Севастіи нѣ-

сколько дней онъ дѣлалъ засѣданія, занимаясь разборомъ гражданъ, и тѣмъ, которые были въ общеніи съ православными, поручилъ исправленіе болѣе обременительныхъ, чѣмъ выгодныхъ должностей, а приверженцевъ Евстаѳія севастійскаго (полуаріанина, какъ увидимъ послѣ) отличалъ самыми высокими почестями. По его же вліянію, приведены были въ разстройство и дѣла Никопольскія (п. 229.). По смерти Ѳеодота, митрополита Арменскаго, Василій употреблялъ всѣ старанія перемѣстить на каѳедру Никопольскую (въ Арменіи) Евфронія, епископа колонійскаго. Но какъ клиръ и граждане колонійскіе неохотно разставались съ своимъ любимымъ епископомъ, аріанскіе епископы успѣли завладѣть Никополемъ и рукоположили туда жалкаго Фронтона, священника Никопольскаго же, который съ такою жестокостію и насиліемъ оскорблялъ православныхъ, что послѣдніе, особенно священники, должны были искать для себя спасенія въ бѣгствѣ (п. 239.). Около сего же времени, аріане сожгли нѣсколько обителей православныхъ монаховъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Василій считалъ долгомъ утѣшить Никопольцевъ и писалъ нѣсколько писемъ къ друзьямъ своимъ, служившимъ при дворѣ Валента о томъ, чтобы своимъ предстательствомъ обуздали столь неистоваго человѣка, каковъ былъ Фронтонъ. Но нѣкоторые изъ придворныхъ отвѣтили (пис. 121 и 205.), что Валентъ, находясь въ

Антіохіи, намѣревался вызвать самого Василія въ Антіохію и здѣсь рѣшался выдать его обвинителямъ еретикамъ. И вотъ въ это-то вѣроятно время и сокрушилась трость императора, уже готовившагося подписать приговоръ противъ Василія, о чемъ разсказываетъ святый Ефремъ въ похвальномъ словѣ Василію. Узнавъ о сихъ козняхъ и о бѣдствіяхъ другихъ православныхъ церквей, которыми владѣли аріане (п. 231.), Василій, по совѣщаніи съ другомъ своимъ, епископомъ самосатскимъ Евсевіемъ, рѣшился снова просить западныхъ епископовъ о содѣйствіи въ борьбѣ съ аріанами.

Въ двухъ посланіяхъ, написанныхъ по сему поводу, св. Василій такъ живо и трогательно раскрылъ предъ взоромъ западныхъ іерарховъ бѣдствія, какимъ подвергались единовѣрные имъ на востокѣ въ теченіе 13-ти лѣтняго царствованія Валента, что нельзя не привести подлинныхъ его словъ. «Наши страданія, писалъ онъ, достигли до предѣловъ и обитаемой вами страны, досточестнѣйшіе братіе. Когда страждетъ одинъ удъ, съ нимъ страждутъ и всѣ уды. Посему конечно и вашему сердоболію прилично поскорбѣть съ нами, страждущими столь долгое время. Почему же нѣтъ отъ васъ ни письма утѣшительнаго, ни братскаго посѣщенія, ничего такого, на что имѣемъ право по уставу любви? Насъ постигло гоненіе и гоненіе самое тяжкое. Ибо гонятъ пастырей, чтобы разсѣялось стадо.

А всего тягостнѣе то, что озлобляемые пріемлютъ страданія не съ увѣренностію въ мученичествѣ, и народъ не воздаетъ почестей подвижникамъ на ряду съ мучениками, потому что гонители носятъ на себѣ имя христіанъ. Одна нынѣ вина, за которую жестоко наказываютъ— точное соблюденіе отеческихъ преданій. За это благочестивыхъ изгоняютъ изъ отечества и переселяютъ въ пустыни. Неправедные судіи не уважаютъ ни сѣдины, ни подвиговъ благочестія, ни жизни, отъ юности до старости проведенной по евангелію. Тогда какъ ни одного злодѣя не осуждаютъ безъ обличенія, епископовъ берутъ по одной клеветѣ и предаютъ наказанію безъ всякаго доказательства взносимыхъ на нихъ обвиненій. А иные изъ нихъ не знали обвнителей, не видали судилищъ, даже не были сперва оклеветаны, но похищены насильственно ночью, сосланы въ отдаленныя страны, и злостраданіями, какія должны терпѣть въ пустынѣ, доведены до смерти. А за симъ слѣдовало: бѣгство пресвитеровъ, бѣгство діаконовъ, расточеніе всего клира, народныя стенанія, непрестанныя слезы и по домамъ и въ обществѣ. Гласъ плачущихъ слышенъ въ городѣ, слышенъ въ селахъ, по дорогамъ и въ пустынѣ. Въ плачь обратились наши праздники: домы молитвенные затворены, на алтаряхъ не совершается духовнаго служенія, нѣтъ христіанскихъ собраній, не предсѣдательствуютъ учители, нѣтъ спасительныхъ поученій,

ни торжественныхъ, ни всенощныхъ пѣснопѣній. Народъ, оставивъ молитвенные домы, собирается въ мѣстахъ пустынныхъ. Женщины, дѣти, старцы и другіе немощные бѣдствуютъ подъ открытымъ небомъ, при проливныхъ дождяхъ, или лѣтомъ на солнечномъ зноѣ, и все это терпятъ потому, что не хотятъ пріобщиться лукаваго Аріева кваса. . . . Пусть будетъ для васъ доказательствомъ нашего злострадания и то, что намъ нельзя никуда и отлучаться. Ибо если кто и на самое краткое время оставитъ церковь свою, то предастъ симъ народъ свой людямъ злокозненнымъ, каковы аріане Мы опасаемся даже, чтобы возрастающее зло подобно пламени, распространяющемуся по горючему веществу, не коснулось со временемъ и отдаленнаго края; зло ереси опустошительно, есть опасность, что прокрадется оно и въ здравую часть близкихъ къ вамъ странъ. . . . Обольщается слухъ людей простодушныхъ, онъ привыкъ уже къ еретическому злочестію. Чада церкви воскормляются нечестивыми ученіями. Во власти еретиковъ крещеніе, сопровожденіе отходящихъ, посѣщеніе больныхъ, утѣшеніе скорбныхъ, вспомоществованіе угнетеннымъ, всякаго рода пособія, причащеніе таинъ. Все это, будучи ими совершаемо, дѣлается для народа узломъ единомыслія съ еретиками. Посему по прошествіи нѣкотораго времени, если бы и настала свобода, нѣтъ уже надежды содержимыхъ въ долговременномъ обманѣ

снова возвратить къ познанію истины. И прежде взывали мы къ вашей любви о помощи и состраданіи къ намъ; но конечно потому, что не исполнилась мѣра наказанія, не попущено было вамъ востать на помощь нашу. Всего болѣе домогаемся, чтобы чрезъ ваше благоговѣніе сдѣлалось извѣстнымъ наше затруднительное положеніе и самому Державствующему въ обитаемыхъ вами странахъ. Если же это не удобно, то пусть придутъ нѣкоторые изъ васъ посѣтить и утѣшить скорбящихъ и своими глазами увидѣть бѣдствія востока, о которыхъ невозможно пріобрѣсти свѣденія посредствомъ слуха, потому что не найдется и слова, которое бы ясно изобразило вамъ наше положеніе».

Недошли до насъ отвѣтныя письма западныхъ епископовъ; покрайней мѣрѣ извѣстно то, что письма эти были утѣшительны для Василія и исполнили радостію его сердце (Пис. 255.). Вѣроятно, что западные обѣщали кого нибудь прислать для ободренія и утѣшенія восточныхъ Церквей, и если не исполнили этого, то потому, что нашествіе Готѳовъ на имперію воспрепятствовало отправленію епископовъ (Пос. Соб. Аквил. Граціану.--Амвр. Мед. пис. 12.). Но въ слѣдующемъ за симъ году пресвитеръ Дороѳей, который чаще всего былъ отправляемъ съ письмами къ западнымъ, сообщилъ Василію, что папа Дамасъ въ разговорѣ съ нимъ святыхъ Мелетія антіохійскаго и Евсевія самосатскаго причи-

слилъ ко послѣдователямъ Арія. Послѣ этого нельзя было ожидать ничего добраго отъ сношеній съ западомъ. Дѣйствительно это были чрезвычайно неосторожныя слова. Еслибы и ничто другое не подтверждало православія Мелетія и Евсевія, скажемъ вмѣстѣ съ Василіемъ, то одни нападенія на нихъ аріанъ могли служить твердымъ доказательствомъ ихъ правоты. Изъ письма св. Василія къ Италійскимъ и Гальскимъ епископамъ видно, что прежде медлительность ихъ въ содѣйствіи своимъ собратіямъ на востокѣ онъ объяснялъ путями Промысла. Вѣроятно потому, что неисполнилась мѣра наказанія, писалъ онъ, не попущено было вамъ востать на помощь нашу. Но въ дружескомъ письмѣ къ Евсевію, писанномъ около этого времени, онъ разсуждалъ нѣсколько иначе. Еще прежде онъ предъусматрѝвалъ безполезность послѣднихъ сношеній съ западными. Ибо когда пресвитеръ Санктиссимъ просилъ у него писемъ къ своимъ соотечественникамъ, то на время Василій отказывался отъ этого. И Евсевію писалъ: «мнѣ приходитъ на мысль сказать словами Діомида: «лучше тебѣ не просить, потому что, говорятъ, онъ человѣкъ надменный». Если умилосердится надъ нами Господь, то чего еще намъ желать сверхъ этого? А если пребудетъ на насъ гнѣвъ Божій, то какая намъ будетъ помощь отъ западной гордости? Они и незнаютъ дѣла и нехотятъ его узнать. Самъ я желалъ бы не въ видѣ общаго посланія

написать къ ихъ верховному и не о дѣлахъ церковныхъ, но вообще о томъ, что недолжно нападать на людей угнетенныхъ искушеніями и признавать достоинствомъ гордость, этотъ грѣхъ, который и одинъ можетъ сдѣлать насъ врагами Богу» (Пис. 231.). Послѣднія извѣстія изъ Рима конечно утвердили св. Василія въ этомъ мнѣніи о папѣ. Такъ еще въ 4-мъ вѣкѣ архипастыри восточные имѣли основаніе жаловаться на высокомѣріе папъ.

Только за четыре мѣсяца до своей смерти св. Василій могъ утѣшиться твердою надеждою на улучшеніе участи православныхъ. Такъ думать можно на основаніи послѣдняго письма его къ Евсевію бывшему въ заточеніи; изъ сего письма видно, что по смерти императора Валента онъ надѣялся на скорое возвращеніе этого исповѣдника въ свою епархію.

Безсомнѣнія очень горько и прискорбно было для Василія видѣть такую безсострадательность западныхъ епископовъ къ единовѣрнымъ своимъ братіямъ. Но этимъ неограничивались горести и подвиги Василія; немало скорбей, заботъ и трудовъ породили для святителя кесарійскаго и раздѣленіе Каппадокіи по гражданскому управленію на двѣ провинціи (въ 371 г.), и вѣроломство друга его Евстаѳія епископа севастійскаго.

ГЛАВА IV.

Послѣдствія раздѣленія Каппадокіи на двѣ области. — Отношеніе къ Василію Тіанскаго епископа Анѳима. — Умноженіе епархій и примиреніе съ Анѳимомъ. — Защищеніе Василіемъ Евстаѳія Севастійскаго; вѣроломство Евстаѳія, посредничество Евсевія Самосатскаго къ примиренію его съ Василіемъ. — Клеветы Евстаѳія на Василія. — Отвѣтныя на нихъ письма Василія. — Болѣзни Василія и кончина его.

Извѣстіе о раздѣленіи Каппадокіи достигло до архіепископа въ то время, какъ онъ отлучался для обозрѣнія епархіи и для рукоположенія брата своего Григорія во епископа Нисскаго. Уныніе, въ какое впали при этомъ Кесарійцы, было такъ велико, что, по увѣренію Василія, нуженъ былъ Симонидъ или Есхилъ для изображенія великости бѣдствія. Подандъ, который назначался главнымъ городомъ новооткрытой области, былъ не что иное, какъ изрытая пропасть, дышущая тлетворнымъ воздухомъ. Одни какъ плѣнники отводились сюда, и это большая часть людей знаменитыхъ въ городѣ; другіе, чтобы избавиться отъ непріятнаго переселенія, убѣгали со всѣмъ своимъ семействомъ и скитались по селамъ или вовсе неизвѣстнымъ мѣстамъ, и такихъ была третья часть; такимъ образомъ только третья часть осталась въ городѣ, но оставшіеся, не перенося разлуки съ людьми близкими и скорбя о превращеніи города въ совер-

шенную пустыню, отрекались отъ самой жизни. По ночамъ не было здѣсь освѣщенія, училища были закрыты, и прекратились собранія, рѣчи и сходбища на площади людей ученыхъ. Только и слышенъ былъ голосъ объявлявшихъ искъ, подвергавшихся взысканію, и приговоренныхъ къ наказанію бичами. Глубоко сочувствуя несчастію соотечественниковъ, извѣщенный ими, Василій письменно просилъ людей близкихъ къ императору доложить ему о бѣдствіяхъ Кесарійскихъ гражданъ и просить его объ отмѣненіи своего распоряженія. Но уваженіе къ предстательству архіепископа показано было только въ томъ, что вмѣсто Поданда управленіе переведено было въ Тіану. Съ этимъ вмѣстѣ открылись новыя непріятности для Василія. Къ заботамъ объ утѣшеніи христіанъ нужно было присоединить старанія о томъ, чтобы, при постигшемъ Кесарію бѣдствіи, митрополія кесарійская оставалась не раздѣленною. Епископъ Тіанскій Анѳимъ захотѣлъ образовать особый округъ управленія и быть митрополитомъ. «Епископы, какъ скоро стали именоваться принадлежащими къ другой области, подумали уже, что они сдѣлались иноземными и иноплеменными для Василія, и даже не хотѣли знать его, какъ будто никогда не заводили знакомства, и не промолвили съ нимъ ни одного слова». Все это слова Гр. Богослова (Пох. сл.). «Истинная же причина такого отчужденія, пишетъ св. Григорій Богословъ, за-

ключалась въ томъ, что не были согласны съ нимъ въ разсужденіи о вѣрѣ, а если и соглашались, то по необходимости, принужденные множествомъ (большинствомъ); кромѣ же сего для нихъ было всего тягостнѣе (хотя и всего стыднѣе признаться) то, что Василій далеко превышалъ ихъ славою». Новый Тіанскій митрополитъ, увлекаемый властолюбіемъ, не чуждъ былъ и корыстолюбія, — онъ отвлекалъ отъ съѣзда на соборы, расхищалъ доходы, особенно ставилъ за великое доходы отъ св. Ореста (мощи котораго почивали въ Тіанѣ). Духовное дѣло, спасеніе души, дѣло вѣры,—все это служило для него прикровеніемъ ненасытимости. Св. Василій въ это же время, по увѣренію Григорія Богослова, приходилъ въ затрудненіе еще и отъ какой-то софистики и обычной пытливости преобладающихъ (пис. Гр. 25). Многіе даже изъ окружавшихъ его чрезъ негоже обдѣлывали свои дѣла и раздували искру мщенія. Впрочемъ онъ, скажемъ также словами св. Григорія Богослова, не слабое придумалъ средство къ прекращенію зла, а самый раздоръ употребилъ къ приращенію церкви и случившемуся далъ самый лучшій оборотъ, именно: умножилъ въ отечествѣ число епископовъ. Изъ сего происходили, по суду Григорія Богослова, очень хорошо знавшаго современныя обстоятельства, три главныя выгоды: попеченіе о душахъ приложено большее, каждому городу даны свои права, а тѣмъ

и вражда прекращена. Разсуждая выше, нежели по человѣчески, св. Василій въ это самое время противъ воли посвятилъ своего друга Григорія Богослова во епископа мѣстечка Сасимъ, которое находилось на предѣлахъ двухъ митрополій. Хотя Григорій покорился сему избранію, но другіе не переставали осуждать Василія за это посвященіе, такъ что, по рукоположеніи, Сасимскій епископъ усталъ, слушая упреки своему другу и защищая его предъ людьми, которые знали о взаимныхъ ихъ сношеніяхъ (Пис. Гр. Б. 50.). Такъ, пользуясь слухами о томъ, что Григорій скорбѣлъ о назначеніи его въ Сасимы, Аѳоимъ епископъ Тіанскій приходилъ и въ Назіанзъ съ нѣкоторыми епископами, для того, чтобы привлечь Григорія на свою сторону. Послѣ многихъ выпытываній о многомъ, о приходахъ, о сасимскихъ болотахъ, о рукоположеніи, Аѳоимъ и ласкалъ, и просилъ, и угрожалъ, и выставлялъ свои права, порицалъ, хвалилъ и съ усиліемъ доказывалъ, что христіане Сасимскіе и Назіанзскіе должны присоединиться къ новой Тіанской митрополіи. Но его замыслы остались безъ всякаго успѣха. Св. Григорій убѣдилъ Аѳоима искать примиренія съ Василіемъ, а Василій назначилъ время и мѣсто (Пис. 51. Гр.) для собора по сему дѣлу. Благодаря этому посредничеству, чрезъ полгода несогласія между духовенствомъ первой и второй Каппадокій были прекращены.

Въ послѣдніе годы своей жизни св. Василій

много терпѣлъ и страдалъ еще отъ клеветъ, какія разсѣевалъ о немъ вѣроломный другъ его Евстаѳій, епископъ Севастійскій. Какъ основатель многихъ монастырей у армянъ, пафлагонянъ и обитателей припонтійскихъ (Соз. 3. 14.), Евстаѳій многихъ предрасположилъ въ свою пользу внѣшнею строгостію своей жизни (онъ носилъ грубую одежду, поясъ и обувь изъ невыдѣланной кожи). Посему Василій считалъ его за человѣка благонамѣреннаго, даже благочестиваго, несмотря на то, что многіе отвлекали его отъ знакомства съ нимъ и заподозрѣвали чистоту его вѣры. Не разъ у Василія съ Евстаѳіемъ бывали и пренія въ разсужденіи догматовъ (Пис. 215.); но конецъ споровъ доводилъ до убѣжденія, что и въ самыхъ малостяхъ не разногласили они между собою, что и Евстаѳій держится правой вѣры. Поэтому, ревнуя о взаимномъ мирѣ епископовъ, св. Василій защищалъ его предъ тѣми, кои причисляли его къ полуаріанамъ, особенно предъ митрополитомъ армянскимъ Ѳеодотомъ; это защищеніе стоило Василію такъ дорого, что по сему случаю онъ самъ подвергся подозрѣнію въ неправославіи, и въ бытность свою въ Никополѣ небылъ допускаемъ до участія въ общихъ ни вечернихъ, ни утреннихъ молитвахъ. Между тѣмъ Евстаѳій, въ его отсутствіе, увѣрялъ своихъ учениковъ, что ни въ чемъ съ нимъ несогласенъ. Когда извѣстили объ этомъ Василія, онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, и для обличенія невѣрности

подобныхъ слуховъ, указывалъ на исповѣданіе православной вѣры [6]), подъ которымъ Евстаѳій подписался въ присутствіи Фронтона, хорепископа Севера и нѣкоторыхъ другихъ клириковъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того созванъ былъ еще соборъ (Пис. 244.), на которомъ сосѣдніе епископы должны были вступить въ общеніе съ Евстаѳіемъ, какъ православнымъ; всѣ приглашенные епископы, когда нужно было, съ радостію и усердіемъ пришли на соборъ. Но тотъ, для котораго и изъ—за котораго созванъ былъ соборъ, и послѣ вторичнаго посольства къ нему не явился, а прислалъ только къ Василію письмо, въ которомъ ничего несказано было о постановленныхъ до собора условіяхъ къ общенію съ православными епископами. Посланные впрочемъ извѣщали, что сообщники Евстаѳія недозволили ему идти на соборъ. Въ такихъ обстоятельствахъ св. Василій, предсѣдатель собора, упалъ духомъ и пристыженный, незналъ, что отвѣчать спрашивавшимъ. Впрочемъ несмотря на такое горестное окончаніе собора, можно было еще думать, что Евстаѳій недалекъ отъ общенія съ православными, и что въ настоящемъ случаѣ удержанъ былъ только своими учениками отъ участія на

б) Исповѣданіе составлено было на никопольскомъ соборѣ, и кромѣ Символа Никейскаго заключало дополнительное ученіе о божествѣ Святаго Духа и опроверженіе лжеученій Маркелла и Савеллія (125 п.).

соборѣ. Посему св. Евсевій епископъ Самосатскій пытался еще примирить Евстаѳія съ Василіемъ и при этомъ вновь предложилъ Евстаѳію простые и ясные вопросы о вѣрѣ. Но отвѣтъ былъ данъ не прямой, двусмысленный, съ явнымъ намѣреніемъ отринутъ предложеніе. Василій, по собственному его увѣренію, такъ сильно желалъ мира, что съ удовольствіемъ готовъ былъ бы отдать и жизнь свою, только бы угасить пламень ненависти; но изъ уклончивости отвѣта Евстаѳіева увидѣлъ, что неможетъ быть твердой надежды на законное общеніе съ такимъ человѣкомъ. Дѣйствительно Евстаѳій въ Киликіи для какого-то Геласія вскорѣ написалъ такое исповѣданіе вѣры, какое прилично было бы написать одному развѣ Арію и самому близкому изъ учениковъ его. На соборѣ въ Анкирѣ подписалъ проклятіе на догматъ единосущія и сталъ вождемъ ереси духоборцевъ (п. 255.). Около сего же времени самому Василію написалъ письмо, заключавшее въ себѣ прямой отказъ отъ общенія съ нимъ, потому будто бы, что Василій состоялъ въ перепискѣ съ еретикомъ Аполлинаріемъ и проповѣдуетъ новое ученіе (п. 218.), именно равночестіе Святаго Духа Отцу и Сыну. Кромѣ сего (п. 130.) въ самыя отдаленныя страны Евстаѳій разослалъ письма, исполненныя всякаго злорѣчія и клеветы на св. Василія. По его словамъ, св. Василій и коваренъ и лживъ и причиною растройства Церкви и пагубы душъ. Въ доказа-

тельство Евстаѳій указывалъ на дружеское письмо къ Аполлинарію, писанное лѣтъ за 20 назадъ, еще въ то время, какъ оба были мірянами, притомъ въ спискѣ Богъ знаетъ кѣмъ сдѣланномъ (Пис. 224.). Клевета эта быстро распространилась въ Понтѣ, Галатіи, Виѳиніи и даже до Геллеспонта, и удобно могла произвесть очень вредное дѣйствіе между легковѣрными людьми. Послѣднее письмо Евстаѳія, полученное Василіемъ послѣ отказа Евстаѳія явиться на соборъ, сильно возмутило его (п. 244.). «Сердце у меня стало связано, писалъ Василій одному изъ епископовъ, языкъ разслабѣлъ, рука онѣмѣла, я впалъ въ немощь души не мужественной и едва не дошелъ до человѣконенавидѣнія; мнѣ казалось, что всякой нравъ подозрителенъ, что въ природѣ человѣческой нѣтъ блага любви». Впрочемъ хотя и часто извѣщали Василія о разныхъ клеветахъ на него Евстаѳія, онъ думалъ, что надобно въ молчаніи переносить всѣ огорченія, ожидая какой нибудь перемѣны на лучшее отъ самыхъ дѣлъ; онъ полагалъ еще, что ложные толки о немъ были распространяемы, не по какой либо злобѣ, но по незнанію истины. «Одно у меня утѣшеніе въ сихъ бѣдствіяхъ, писалъ онъ въ другомъ письмѣ, немощь плоти, по которой увѣряюсь, что не много времени оставаться мнѣ въ этой несчастной жизни». Вотъ причина, почему св. Василій не отвѣчалъ ничего на клеветы Евстаѳія около трехъ лѣтъ. Но съ теченіемъ вре-

мени вражда возрастала и Евстаѳіане нимало не раскаявались въ своихъ навѣтахъ на Василія. Это побудило его наконецъ написать нѣсколько писемъ къ близкимъ ему пастырямъ и инокамъ; въ сихъ письмахъ онъ раскрылъ свои отношенія къ Евстаѳію, его жалкое непостоянство, а также предлогъ къ обвиненію въ общеніи съ Аполлинаріемъ, и послѣ этого безстыдные клеветники должны были умолкнуть.

Непріятности и огорченія, какія терпѣлъ Василій отъ соепископовъ, отъ аріанъ и отъ Евстаѳіанъ конечно были бы гораздо сноснѣе и легче, если бы онъ обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ. Но и тогда, какъ онъ былъ въ добромъ здоровьи,—по собственнымъ его словамъ, у него менѣе было силъ, чѣмъ у людей, въ жизни которыхъ уже отчаялись. Что преувеличенія въ этихъ словахъ очень немного, это видно и изъ частыхъ его упоминаній о болѣзняхъ. При избраніи во епископа, какъ сказано было прежде, онъ былъ такъ опасно боленъ, что отчаявался въ своей жизни. Въ 373 г. болѣзнь мучила его болѣе пятидесяти дней, несмотря на то, что онъ пользовался минеральными теплыми водами и принималъ нѣкоторыя пособія отъ врачей (п.136). При этомъ продолжительная болѣзнь была такъ непонятна самому Василію, что онъ, при всемъ знаніи медицины, не находилъ словъ для изображенія ея многосложности и разнообразія. Она началась, по описанію самого больнаго, горяч-

кою, которая, по недостатку питательнаго для нея вещества, обвившись около сухой плоти, какъ около обозженной свѣтильни, производила сухотку и какую-то другую медлительную болѣзнь. А потомъ какая-то старая рана, поразивъ печень, произвела въ немъ отвращеніе отъ пищи, отогнала отъ очей сонъ и держала на предѣлахъ между жизнію и смертію, дозволяя жить только въ той мѣрѣ, чтобы чувствовать непріятности жизни.

Чрезъ годъ послѣ сего св. Василій еще сильнѣе сталъ жаловаться на свои болѣзни: «непрерывныя и сильныя лихорадки, писалъ онъ, такъ изнурили мое тѣло, что самъ себѣ кажусь чѣмъ-то такимъ, что хуже и меня самого. Припадки четырехдневной лихорадки болѣе 20-ти разъ повторяли свой кругъ; а теперь, когда, повидимому, освободился отъ лихорадокъ, до такого дошелъ изнеможенія силъ, что въ этомъ не отличаюсь отъ паутины. Поэтому всякой путь для меня непроходимъ, всякое дуновеніе вѣтра для меня опаснѣе, чѣмъ треволненіе для пловцовъ (Пис. 185 и 157.). Быть нездоровымъ для меня стало чѣмъ-то естественнымъ, у меня болѣзнь слѣдуетъ за болѣзнію (192 п.). Посему изъ всего этого даже ребенку видно, что совершенно уже необходимо мнѣ разстаться съ этимъ земнымъ покровомъ» (Пис. 131.). Въ 373 году пронесся было даже по Каппадокіи слухъ о смерти Василія и многіе изъ епископовъ собрались было въ

Кесарію для избранія ему преемника. Повидимому, ихъ прибытіе могло послужить къ утѣшенію больнаго. Но изъ совѣщанія съ ними о дѣлахъ церковныхъ онъ узналъ, что они не помогали ему ни въ чемъ самонужнѣйшемъ; случалось, что въ его присутствіи они чувствовали стыдъ и обѣщали должное; но разставшись, опять возвращались въ прежнее свое расположеніе. Подобныя огорченія, по суду самого Василія (п. 136.), большею частію препятствовали поправленію его здоровья, а болѣзни дѣлали болѣе тяжкими и мучительными огорченія со стороны другихъ. Потому при всемъ величіи терпѣнія св. Василій писалъ о себѣ въ одномъ письмѣ: «я оцепенѣлъ отъ множества скорбей, окружившихъ меня нынѣ, онѣ содѣлали жизнь мою очень тяжкою». Все это — и множество скорбей и непрестанныя заботы конечно достаточны увѣрить, что только по особенной милости и благоволенію Божію Святитель при столь слабомъ здоровьѣ могъ прожить до 49 лѣтъ.

Обстоятельства его кончины съ подробностію описалъ св. Григорій Богословъ. Когда Василій лежалъ при послѣднемъ издыханіи, призываемый къ горнему ликостоянію, вокругъ него волновался весь городъ: нестерпима была потеря, жаловались на его отшествіе, какъ на притѣсненіе; думали удержать его душу, какъ будто можно насильно остановить ее руками и молитвами; всякій, если бы только возможно было, готовъ

былъ приложить ему что нибудь отъ своей жизни. Въ предсмертныя минуты больной архипастырь нѣкоторыхъ рукоположилъ на церковныя степени, а другимъ предлагалъ свои наставленія; и наконецъ съ словами: *въ руцѣ Твои предаю духъ мой*, радостно испустилъ духъ. Когда выносили его изъ дома, каждый изъ пасомыхъ его заботился о томъ, чтобы взяться или за воскриліе ризъ, или за сѣнь, или за священный одръ, или коснуться только его тѣла, или даже идти подлѣ несущихъ, или насладиться однимъ зрѣніемъ. Наполнены были торжища, переходы, вторыя и третьи жилья, тысячи всякаго рода и возраста людей, дотолѣ не знаемыхъ, то предшествовали, то сопровождали одръ и тѣснили другъ друга. Псалмопѣнія заглушаемы были рыданіями. Даже нѣкоторые изъ язычниковъ и Іудеевъ, бывшихъ при этомъ, проливали слезы. Отъ тѣсноты стремленія и волненія народнаго не малое число людей лишились жизни и кончина ихъ была ублажаема, потому что преселились отсюда вмѣстѣ съ Василіемъ и стали надгробными ему жертвами. Съ такимъ миромъ и съ такою любовію паствы преселился святитель Христовъ изъ сей жизни. Это было въ 379 году, чрезъ восемь лѣтъ его епископства, на 50 году его жизни.

ГЛАВА V.

ПИСЬМА СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО а.).

Число сохранившихся до насъ писемъ Василія Великаго простирается до 336.—Изъ нихъ сомнительною для нѣкоторыхъ кажется подлинность только 11-ти писемъ къ Ливанію. Но содержаніе и этихъ писемъ не представляетъ ничего такого, что было бы недостойно Василія Великаго или несообразно съ его обстоятельствами жизни.—Различіе содержанія даетъ основаніе къ раздѣленію писемъ Василіевыхъ на догматическія, каноническія, истолковательныя, апологетическія, нравственныя, ходатайственныя, утѣшительныя и привѣтственныя б).

а) Къ жизнеописанію св. Василія Великаго авторъ присоединилъ обозрѣніе всѣхъ его твореній. Не находя удобнымъ помѣстить цѣликомъ въ нашемъ изданіи это обозрѣніе, мы даемъ мѣсто статьѣ о письмахъ Василія Великаго, потому что она служитъ дополненіемъ біографическихъ свѣденій о немъ. *Ред.*

б) Изъ догматическихъ писемъ Василія особенно замѣчательно одобренное Халкидонскимъ соборомъ письмо къ брату Григорію о различіи сущности и ипостаси, и письмо къ Кесарію, въ которомъ одобряется ежедневное причащеніе Св. Таинъ (89 п.). Кромѣ сего въ письмахъ сего рода св. Василій не разъ имѣлъ случай защищать Никейскій Символъ, опровергать лжеученіе Евноміанъ и Аполлинарія.

Къ числу каноническихъ писемъ Трульскимъ соборомъ отнесены четыре письма къ св. Амфилохію епископу иконій-

Будучи столь разнообразны по своему содержанію, многія письма Василія важны въ томъ собственно отношеніи, что заключаютъ въ себѣ

скому, два къ хорепископамъ, одно къ Діодору тарсійскому и одно къ пресвитеру Паригорію. Въ письмахъ къ св. Амфилохію, Василій съ особенною подробностію разрѣщаетъ его вопросы о значеніи крещенія совершаемаго еретиками и раскольниками, о запутанныхъ бракахъ, о клятвопреступникахъ, убійцахъ и нарушителяхъ цѣломудрія, а совмѣстно съ симъ опредѣляетъ и различныя церковныя наказанія по различію преступленій и обстоятельствъ, при коихъ они были совершены. Изъ писемъ къ хорепископамъ въ одномъ св. Василій подъ угрозою лишенія сана, запрещаетъ симонію (продажу причетническихъ мѣстъ), а въ другомъ повелѣваетъ опредѣлять церковнослужителей въ селахъ не иначе, какъ по строгомъ испытаніи жизни избираемыхъ, и объ избранныхъ доносить своевременно епископу. Письмо къ Діодору писано въ опроверженіе неизвѣстно чьего письма о дозволительности брака съ сестрою умершей жены. Въ письмѣ къ Паригорію подъ угрозою анаѳемы запрещаетъ Василій Великій 70-ти лѣтнему старцу держать въ своемъ домѣ чужую женщину подъ именемъ синизакты.

Изъ толковательныхъ писемъ обширнѣе и потому важнѣе другихъ письмо къ св. Амфилохію, въ которомъ подробно и основательно объясняются слова Спасителя о невѣдѣніи дня и часа кончины міра, и письмо Оптиму (252), гдѣ объясняются слова: *всякъ убивый Каина седьмижды отмстится* и слова праведнаго Симеона Богоматери по воспринятіи на руки Богомладенца Іисуса.

Изъ писемъ апологетическихъ особенно замѣчательны по свѣдѣніямъ о тогдашнемъ состояніи церквей письма писанныя въ защиту противъ Евстаѳія севастійскаго, противъ неокесарійцевъ къ приморскимъ епископамъ и 47 къ Воспорію.

свѣдѣнія о современномъ Василію состояніи церквей восточныхъ, а также и о обстоятельствахъ собственной его жизни, и высокихъ нравственныхъ его качествахъ. Такъ изъ сихъ писемъ ясно открывается для читателей и ревностная заботливость Василія о благѣ всѣхъ Церквей, о сохраненіи истинной вѣры и единодушіи братіи, и глубокая сострадательность къ несчастнымъ, и мудрость въ управленіи дѣлами Церкви, и великодушіе при собственныхъ бѣдствіяхъ, и строгость къ наглымъ преступникамъ (похитителямъ дѣвъ), а такъже его нестяжательность, его строгое воздержаніе, миролюбивое обращеніе съ своими врагами и пламенность дружбы съ людьми достойными предпочтенія.

Соберемъ изъ этихъ писемъ Василія всѣ черты, которыя могутъ оживить предъ духовнымъ взоромъ его высокій нравственный характеръ, и

Ходатайственныхъ писемъ Василія дошло до насъ 58. Изъ нихъ видно, что любвеобильный архипастырь за всѣхъ, кто только просилъ его о помощи, и за знатныхъ сановниковъ, и за служителей, и за монаховъ, и за клириковъ, и за притѣсняемыхъ въ судахъ и за страждущихъ отъ чрезмѣрныхъ податей и налоговъ, и за тѣхъ, кто поступалъ въ училища знаменитыхъ софистовъ, за всѣхъ ходотайствовалъ предъ тѣми лицами, которыя могли подать облегченіе бѣдствующимъ или оказать какое нибудь содѣйствіе нуждающимся въ милости.

Число утѣшительныхъ писемъ простирается до 25-ти; онѣ писаны и къ гонимымъ еретиками, и оплакивавшимъ смерть родныхъ, и къ церквамъ лишившимся своихъ пастырей.

дополнимъ это, гдѣ будетъ возможно, сказаніемъ о Василіѣ Григорія Богослова; прежде же скажемъ собственными словами Василія о братскомъ общеніи Василія съ епископами вселенской Церкви и объ избраннѣйшихъ его друзьяхъ. Вотъ какъ самъ онъ пишетъ объ этомъ:

«Справедливѣе будетъ судить о мнѣ не по одному или двумъ изъ неправо ходящихъ во истинѣ, но по множеству во вселенной епископовъ, по благодати Божіей пребывающихъ въ единеніи со мною. Пусть будутъ спрошены епископы Писидійскіе, Ликаонскіе, Исаврійскіе, обѣихъ Фригій, изъ армянскихъ со мною сосѣдственные, Македонскіе, Иллирійскіе, Галльскіе, Испанскіе, всей Италіи, Сицилійскіе, Африканскіе, изъ Египетскихъ соблюдающіе здравую вѣру и весь останокъ Сирскихъ, — всѣ они пишутъ ко мнѣ письма и отъ меня получаютъ также» (п. 196.).

Одинъ изъ первыхъ и короткихъ друзей св. Василія былъ св. Григорій Богословъ (4, 96.), но во время своего епископства Василій чаще всего совѣтовался въ разсужденіи о дѣлахъ церковныхъ съ св. Евсевіемъ Самосатскимъ и Амфилохіемъ Иконійскимъ; въ ихъ участіи, бесѣдахъ и письмахъ находилъ себѣ великое утѣшеніе. И того и другаго онъ «желалъ бы, если бы можно, извѣщать о всемъ, что случалось съ нимъ каждый день» (п. 229. 234.), часто приглашалъ ихъ на праздникъ кесарійскихъ муче-

никовъ, и для совѣщанія о томъ, о чемъ неудобно было говорить чрезъ письма (п. 137.). «Ради многихъ нужныхъ дѣлъ, пишетъ напр. въ одномъ изъ писемъ (которыхъ дошло до насъ болѣе 20) къ Евсевію,—надобно было сойтись съ твоимъ богочестіемъ, и о многомъ сообщить тебѣ, и многому у тебя научиться. Ибо здѣсь нельзя найти истинной любви. А когда и нашелъ бы кто человѣка, весьма любящаго, то нѣтъ никого, кто бы подобно твоему совершенному благоразумію и твоей опытности, могъ подать мнѣ совѣтъ въ предлежащихъ дѣлахъ» (133). «И на молитвы твои обо мнѣ я столько полагаюсь, писалъ Василій въ другомъ письмѣ, что если это будетъ нужно, могу даже изъ старца сдѣлатся юнымъ, а не только изъ немощнаго и разслабленнаго, каковъ теперь, сколько нибудь крѣпкимъ» (п. 157. под. 30.). Амфилохій былъ моложе Василія и взятъ на каѳедру епископскую изъ клира кесарійскаго, а потому Василій любилъ его какъ сына, разрѣшалъ многія его недоумѣнія въ обширныхъ письмахъ; но при всемъ этомъ, конечно со всею искренностію писалъ къ нему: «всякій день, въ который есть письмо отъ твоего богочестія, для меня праздникъ и самый великій изъ праздниковъ» (224.), и еще: «по многимъ причинамъ желаю видѣться съ тобою, и чтобы имѣть тебя совѣтникомъ въ дѣлахъ, и вообще, чтобы, видаясь съ тобою рѣдко, имѣть нѣкоторое утѣшеніе въ сей утратѣ» (п. 193.); «твое лицезрѣніе,

послужитъ для меня избавленіемъ отъ всѣхъ настоящихъ и ожидаемыхъ огорченій» (223. Всѣхъ писемъ къ Амфилохію 17-ть). Такимъ же духомъ нѣжной любви, преданности и расположенія дышатъ письма Василія и къ св. Мелетію антіохійскому, и Амвросію медіоланскому, и Епифанію кипрскому, и Асхолію солунскому (149.).

Изъ писемъ можно видѣть, какъ скоро и вѣрно могъ узнавать св. Василій лучшихъ изъ современныхъ ему пастырей церквей. «Все здѣшнее, писалъ онъ св. Мелетію, исполнено болѣзней и мнѣ одно прибѣжище отъ золъ — мысль о твоей святости, и сію мысль дѣлаетъ яснѣе бесѣда съ тобою чрезъ письма, исполненныя всякой мудрости и благодати. Посему, когда беру въ руки письмо твое, прежде всего смотрю на его мѣру, и чѣмъ болѣе избыточествуетъ оно величиною, тѣмъ для меня любезнѣе. Притомъ во время чтенія, при каждомъ встрѣчающемся словѣ, радуюсь, но приближаясь къ концу письма, начинаю огорчаться. Такъ все, что́ ни говоришь въ письмѣ, исполнено доброты» (Пис. 53.). Поэтому-то и св. Мелетія, такъ же какъ св. Аѳанасія александрійскаго, Василій убѣдительно просилъ не оставлять своими письмами и молитвами (76.). Св. Епифаній спрашивалъ Василія о племени Магусеевъ населявшихъ Каппадокію и происходившихъ отъ древнихъ поселенцевъ Вавилонскихъ. Давая отвѣтъ на этотъ вопросъ, Василій употребилъ нѣсколько такихъ выраженій, которыя по-

казываютъ, что св. Епифаній имѣлъ чистую и нелестную любовь къ нему, и при всей широтѣ моря и суши, которая раздѣляла ихъ, услуживалъ ему всевозможнымъ попеченіемъ. Св. Амвросію Василій оказалъ особенное уваженіе тѣмъ, что препроводилъ въ Медіоланъ мощи его предшественника Діонисія, скончавшагося въ заточеніи въ Арменіи или Каппадокіи. Исполненіе этого желанія особенно трудно было потому, что жители той страны, гдѣ сохранялись мощи Діонисія, почитали его отцемъ и заступникомъ своимъ, и потому естественно не хотѣли разлучаться съ столь дорогимъ для нихъ сокровищемъ. Но Василій несмотря и на обильныя ихъ слезы, переслалъ мощи Діонисія миланскаго къ его преемнику.

Для блага Церкви, страдавшей отъ аріанъ, св. Василій считалъ нужнымъ поддерживать знакомство и съ свѣтскими сановниками и съ придворными лицами; и дѣйствительно умѣлъ извлекать существенную пользу изъ этого знакомства. Нѣкоторые изъ этихъ сановниковъ извѣщали Василія о томъ, что дѣлалось при дворѣ, и особенно о происках и затѣяхъ аріанъ, приближенныхъ къ Валенту, а другіе за честь себѣ ставили исполнять просьбы и ходатайства Василія о невинныхъ страдальцахъ. Изъ нихъ особеннымъ уваженіемъ и расположеніемъ къ Василію извѣстны графъ Терентій, жившій въ Антіохіи, графы: Магниніанъ, Іовинъ, Аркадій,

бывшій консулъ Викторъ, военоначальники: Андроникъ и Кандидіанъ, областеначальники: Траянъ содержавшій на своемъ иждивеніи болѣе тысячи воиновъ (п. 3.), Каллисѳенъ, Антипатръ, магистръ Софроній, и даже ипархъ Модестъ. Видно, что эти лица достойны были любви Василія, ибо всѣмъ имъ онъ пишетъ свои письма съ искреннимъ уваженіемъ. Вотъ напр. начало письма Кандидіану: «съ особеннымъ уваженіемъ взялъ я въ руки письмо твое, какъ бы извѣстіе о какомъ государственномъ дѣлѣ, и пока разламывалъ восковую печать, смотрѣлъ со страхомъ, какъ ни одинъ обвиненный спартанецъ не смотритъ на лакедемонскій свитокъ» (п. 3.). Подобное и въ письмѣ къ консулу Виктору. «Причина моего молчанія, говоритъ онъ здѣсь, очень ясна: я боялся безпокоить такого мужа. Если же къ прочимъ своимъ доблестямъ присоединилъ ты и то, что не только принимаешь присылаемыя нами письма, но требуешъ и тѣхъ, которыя небыли присланы: то вотъ смѣло тебѣ пишу и впредь буду писать, — моля Бога вознаградить тебя за честь оказываемую мнѣ, и благодаря его за то, что продолжаешъ помнить обо мнѣ, и не смотря ни накакую клевету, неуменьшаешъ люби ко мнѣ, которую, по самому правдолюбивому сужденію, однажды рѣшился возъимѣть ко мнѣ» (147. 8.). Особенно уважали Василія Авгурій, магистръ Софроній; посему къ нимъ чаще другихъ обращался святитель съ своими просьбами.

«За многихъ ходотайствовалъ я предъ твоею досточестностію, такъ говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Авгурію, и въ довольной мѣрѣ былъ полезенъ утѣсненнымъ»; а въ письмѣ къ Софронію между прочимъ читаются такія слова: «облагодѣтельствованныхъ для меня твоимъ великодушіемъ не легко перечислить, такъ какъ твоей степенности всегда угодно было оказывать ко мнѣ вниманіе, и не малымъ кажется доставить мнѣ удовольствіе» (173). Ипархъ Модестъ, послѣ того какъ получилъ изцѣленіе отъ своей болѣзни по молитвамъ Василія, сдѣлался искреннимъ его покровителемъ. Посему св. Василій съ смѣлостію начиналъ ему письма такими выраженіями: «по преизбытку чести, какую мнѣ оказываешь, заключаю, что множество моихъ писемъ не причинитъ никакого безпокойства твоему великодушію». Въ другомъ письмѣ къ Модесту Василій пишетъ: «хотя и много въ томъ смѣлости, чтобы представлять такому человѣку просьбы свои въ письмахъ; но уваженіе, какое ты мнѣ оказывалъ, не даетъ въ сердцѣ моемъ мѣста робости» (271—273.).

О свойствахъ Василія, какъ архипастыря, на основаніи собственныхъ его писемъ можно сказать слѣдующее. На степени церковныя св. Василій возводилъ только людей довольно испытанныхъ и извѣстныхъ по строгости своей жизни (п. 72. Гр. Бог.). Потому духовенство кесарійское вело столь скромную и тихую жизнь, что

св. Василію вовсе почти не кого было изъ своего причта посылать съ письмами при частныхъ его сношеніяхъ съ ближними и отдаленными епископами (190). «Никто изъ моего причта, говорилъ онъ самъ, незанимается торговлею, нелюбитъ проживать на сторонѣ; многіе берутся только за искусства, требующія сидячей жизни, и тѣмъ снискиваютъ себѣ насущное пропитаніе».

Мѣры, какими пользовался св. Василій, къ вразумленію и исправленію нерадивыхъ о своемъ совершенствѣ, были большею частію кротки. «Часто улыбка его, говоритъ Григорій Богословъ, служила похвалою, а молчаніе выговоромъ, подвергающимъ злое укоризнамъ собственной совѣсти» (122.). Подтвержденіе симъ словамъ Григорія можно находить въ собственныхъ письмахъ Василія, и особенно по дѣламъ о діаконѣ Гликеріѣ и о похитителяхъ дѣвъ. Одинъ діаконъ, по имени Гликерій, собравъ нѣсколькихъ дѣвъ, изъ которыхъ иныя пришли къ нему добровольно, а иныя противъ воли, обѣщался быть руководителемъ и наставникомъ ихъ въ духовной жизни, а при этомъ оказывалъ презрѣніе и къ пресвитеру своему, и къ хорепископу, и къ самому Василію, и разумѣется возбудилъ своимъ поведеніемъ въ городѣ смятеніе, толки пересуды. Любвеобильный архитастырь вслѣдъ за хорепископомъ сдѣлалъ діакону только небольшой словесный выговоръ, но вмѣсто исправленія діаконъ ночью убѣжалъ вмѣстѣ съ соблазненными дѣвами

изъ своего села и поселился въ Назіанзѣ. Для прикрытія позора епископъ Назіанзскій далъ убѣжище дѣвамъ въ своемъ домѣ. Узнавъ объ этомъ, Василій просилъ своего друга Григорія Богослова убѣдить діакона возвратиться съ дѣвами или покрайней мѣрѣ отослать дѣвъ на свою родину, а самому преступнику обѣщалъ совершенное прощеніе. Но чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно.

Изъ другаго письма Василіева видно, что онъ принялъ для себя за правило сдѣлавшихъ зло не выдавать гражданскимъ властямъ, но и не избавлять тѣхъ, которые выданы (п. 281.). Поэтому онъ недозволилъ однажды производить судъ надъ ворами, взятыми въ церкви, смотрителю тюремному, надѣясь сдѣлать ихъ лучшими чрезъ свои отеческія увѣщанія. Василій съ твердостію выговаривалъ этому чиновнику даже за то только, что онъ незаконно присвоилъ себѣ право задержать этихъ воровъ; «твое дѣло, писалъ онъ, только донести о случившемся комиту». Примѣромъ законной строгости къ упорнымъ во злѣ служить духовное наказаніе, какому подвергъ онъ похитителя одной дѣвицы. Какъ скоро дошелъ слухъ до архіепископа объ этомъ преступленіи, онъ сдѣлалъ письменный выговоръ пресвитеру за то, что не преслѣдовалъ судомъ своимъ похитителя, и предписалъ ему дѣвицу отнять отъ хищника и возвратить родителямъ, самаго же хищника лишить общенія въ молитвахъ и провозгласить отлученнымъ; онъ требовалъ такъже отлучить отъ об-

щенія въ молитвахъ на три года всѣхъ тѣхъ, которые способствовали похищенію, со всѣми ихъ семействами, и всѣхъ жителей того селенія, которое скрывало и удерживало у себя похищенную дѣвицу (п. 262.).

Въ письмахъ Василія есть еще указаніе на то, что онъ подобнымъ образомъ отлучилъ отъ общенія въ молитвахъ трехъ преступниковъ, такъ какъ они непоказывали никакаго исправленія и по обличеніи ихъ предъ всею церковію [в]).

Изъ другихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, которыя особенно украшали Василія, св. Григорій Богословъ упоминаетъ чаще всего о его нестяжательности, его строгомъ воздержаніи, его смиреніи, его человѣколюбіи и пріятности въ обществѣ; а къ этому на основаніи писемъ Василіевыхъ можно прибавить еще вѣрность и нѣжность его въ дружбѣ съ людьми достойными предпочтенія. «Богатство Василія, говоритъ Григорій Богословъ, ничего у себя не имѣть и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя дороже многихъ стяжаній. У него были одинъ хитонъ, одна верхняя ветхая риза, а сонъ на голой землѣ, бдѣніе, неупотребленіе омовеній составляли его украшеніе, самою вкус-

---

в) Одинъ изъ нихъ выставилъ на паперти церковной надпись съ несправедливыми обвиненіями противъ благочестивой дѣвственницы (п. 289.).

ною вечерію и снѣдію служили хлѣбъ и соль; но и этой скудной пищи употреблялъ онъ такъ мало, что казался почти не вкушающимъ пищи и безплотнымъ. Онъ считалъ даже неприличнымъ ему лакомствомъ—закуски посланныя ему св. Амфилохіемъ; правда, отказываясь вкушать ихъ, для вида онъ ссылался на свои зубы и писалъ: «не по лѣтамъ мнѣ грысть твои закуски, когда зубы давно уже притупились и отъ времени и отъ недуговъ»; но главною причиною конечно было строгое воздержаніе отъ лакомыхъ снѣдей. Другъ его Амфилохій конечно не послалъ бы ему чего нибудь чрезмѣрно сухаго, зная его старческія болѣзни. Нѣкоторую самую умѣренную любовь къ собственности обнаружилъ Василій только въ молодыхъ лѣтахъ, когда одинъ грубый человѣкъ, съ нѣсколькими подобными себѣ буянами, ворвался въ его домъ, прибилъ нѣсколькихъ женщинъ, и разломавъ двери, вынесъ изъ него все. Извѣстившись объ этомъ, съ полнымъ спокойствіемъ, безъ всякой досады на похитителя, св. Василій просилъ себѣ покровительства у друга своего, военачальника Кандидіана; но по собственнымъ его словамъ, просилъ только для того, чтобы не быть послѣднимъ изъ немощныхъ и не подать о себѣ мысли, что всякой можетъ нападать на него. «Я удовольствуюсь, писалъ скромный и нестяжательный проситель, если виновный будетъ взятъ начальникомъ селенія и на короткое время заключенъ

въ тюрьму, потому что не столько негодую за то, что потерпѣлъ, сколько имѣю нужды въ безопасности на будущее время». Когда же Василій занимался устройствомъ монастырей, то часть его родоваго имѣнія поступила въ построенныя по его настоянію обители, а большую часть раздалъ въ пользу нищей братіи Христовой, особенно же на устройство того загороднаго странноприимнаго въ Кесаріи дома, который по обширности, красотѣ и удобствамъ, назывался городомъ. Здѣсь находили себѣ пріютъ и успокоеніе и дряхлая старость и страдавшіе самыми тяжкими болѣзнями. Самъ Василій часто приходилъ для утѣшенія больныхъ.

Нѣкоторые изъ враговъ Василія не стыдились называть его гордецомъ. Для оправданія своего друга Григорій Богословъ писалъ слѣдующее: «Василій, этотъ благородно рожденный отъ благородныхъ и сіяющій славою, негнушался и лобзаніемъ устъ чтитъ болѣзни, обнималъ недужныхъ какъ братьевъ. Возможно ли же лобызать прокаженныхъ и превозноситься предъ здоровыми? Думаю, что враги Василія кичливостію называли постоянство, твердость и непоколебимость его нрава». Замѣчателенъ отвѣтъ и самаго архипастыря на упрекъ одного изъ бывшихъ друзей его въ томъ, будто новый санъ сдѣлалъ его высокомѣрнымъ. «Перестань, писалъ онъ Пергамію, въ короткихъ словахъ взводитъ на меня великія вины. Ибо забвеніе друзей и пре-

зрѣніе ихъ вслѣдствіе пріобрѣтенной власти заключаетъ уже въ себѣ все худое въ совокупности; будь увѣренъ въ томъ, что настоящая моя должность послужила для меня поводомъ къ смиренію. Поэтому развѣ тогда забуду тебя, когда самъ небуду узнавать себя, а ты моихъ недосуговъ никогда не обращай въ признакъ худаго поведенія и злонравія» (п. 52.).

Сострадательность Василія простиралась не на однихъ больныхъ, нищихъ и странниковъ, но и на всѣхъ, кто только терпѣлъ какое несчастіе, былъ обремененъ какою нибудь скорбію. Объ этомъ яснѣе всего свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ 58-мь ходатайственныхъ его писемъ за различныхъ страдальцевъ, и 25-ть утѣшительныхъ. И за знатныхъ сановниковъ, и за притѣсняемыхъ въ судахъ, и за страждущихъ отъ чрезмѣрнаго налога податей, и за тѣхъ, кто поступалъ въ училища знаменитыхъ софистовъ, за всѣхъ кто только просилъ о помощи, любвеобильный архипастырь немедленно ходатайствовалъ предъ тѣми, которые могли подать облегченіе бѣдствующимъ. И гонимые еретиками и оплакивающіе смерть родныхъ и лишавшіеся своихъ пастырей, всѣ вскорѣ получали письменное утѣшеніе отъ святителя, если только были ему сколько нибудь знакомы.

При всей благонамѣренности и благожелательности, враги Василія взносили на него самыя невѣроятныя и оскорбительныя клеветы,

иногда даже предъ людми особенно уважавшими его, каковъ магистръ Софроній; такъ враги Василія винили его и за обширную переписку, а для сего развѣдывали, не получилъ ли кто какого нибудь письма отъ него (167), и когда это было. Но Василій, по чувству глубокаго смиренія и любви, не только съ благодушіемъ переносилъ подобныя оскорбленія, но и въ письмахъ къ самымъ приближеннымъ лицамъ, явно злонамѣренную непріязнь къ себѣ называлъ несчастіемъ, которое будто бы привлекъ на себя грѣхами своими (п. 55, 6.). О горячности и искренности любви Василіевой къ друзьямъ свидѣтельствуютъ письма самого же Василія. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ о себѣ: «не могу поставить себя ниже кого нибудь изъ сдѣлавшихся извѣстными своею дружбою, потому что никогда не былъ изобличенъ погрѣшившимъ противъ дружбы» (п. 264.). Въ другомъ письмѣ читаются такія слова: «къ священной и нелестной душѣ твоей возродилось во мнѣ какое-то влеченіе; поелику же насладиться вожделѣваемымъ удобствъ не имѣю, то нынѣ, разлученный съ любезнѣйшими мнѣ, почитаю жизнь свою жалкою и несносною» (п. 119.). Надобно при этомъ замѣтить, что такимъ языкомъ нѣжной дружбы говорилъ Василій не съ высокими только по званію и сану лицами, но и съ смиренными монахами, священниками и товарищами по ученію (429.), и даже простыми

воинами. Вотъ его слова напримѣръ въ письмѣ къ монаху Урвикію: «не думай, что тебѣ нужны оправданія, когда пишешь ко мнѣ; ибо разумѣю самъ себя и знаю, что по природѣ всякой человѣкъ и со всѣми равночестенъ, и преимущества наши не въ родѣ, не въ избыткѣ имѣнія, но въ преимущественномъ страхѣ Божіемъ. Поэтому тебѣ, который больше, нежели я, боишься Владыки, что препятствуетъ въ этомъ самомъ быть выше меня? Итакъ постоянно пиши ко мнѣ. Когда же можно, приди ко мнѣ; ты или утѣшишь меня, или подашь мнѣ мысль, или выведешь меня изъ бѣдствій, во всякомъ случаѣ однимъ появленіемъ своимъ сдѣлаешь то, что мнѣ будетъ легче» (п. 118.). Еще замѣчательнѣе начало письма къ простому воину: «во время своего путешествія, говоритъ Василій, удостоился я отъ Господа многаго, за что долженъ благодарить Его: но величайшимъ для себя благомъ признаю знакомство съ твоею досточестностію. Ибо узналъ въ тебѣ человѣка доказывающаго собою, что и въ военной жизни можно сохранить совершенство любви къ Богу, и что христіанинъ долженъ отличаться не покроемъ платья, но душевнымъ расположеніемъ; а по этому и тогда со всѣмъ желаніемъ проводилъ съ тобою время, и теперь, какъ скоро вспоминаю о тебѣ, наслаждаюсь величайшимъ веселіемъ. Итакъ мужайся и крѣпись и старайся приумно-

жать въ себѣ любовь къ Богу» (102.). Что Василій до конца жизни сохранялъ благорасположеніе свое къ добрымъ товарищамъ дѣтства и школы,—объ этомъ легко судить по письму его къ Евсевію. Здѣсь онъ съ глубокою скорбію уже въ послѣдніе годы своей жизни жаловался на то, что не засталъ своего товарища Евсевія въ какомъ-то городѣ.—Вотъ собственныя его слова: «Прибывъ въ городъ, сильно былъ опечаленъ тѣмъ, что не нашелъ тебя здѣсь. Ибо дорого для меня было видѣть и обнять превосходнѣйшаго во всемъ Евсевія, и снова возвратиться воспоминаніемъ къ своей юности и припомнить тѣ дни, когда были у насъ и одинъ кровъ, и одинъ очагъ, и тотъже наставникъ, когда отдыхъ и занятіе, и роскошь и скудость, всё дѣлили между собою. Какъ дорого цѣнилъ я, что все это обновлю въ памяти при свиданіи съ тобою и, сбросивъ съ себя эту тяжелую старость, опять по видимому изъ старика сдѣлаюсь молодымъ! Но насладиться симъ не дано мнѣ» (п. 263.). При такой широтѣ и горячности любви Василія никто не усумнится конечно и въ томъ, что онъ со всею искренностію просилъ своихъ друзей какъ можно чаще писать къ нему длинныя письма; эта просьба болѣе тридцати разъ повторяется въ его письмахъ и притомъ ко многимъ и разнымъ лицамъ. Такъ онъ пишетъ къ Евстаѳію, первому врагу: «если

есть какая польза отъ моихъ писемъ, то неопускай ни одного случая писать ко мнѣ и побуждать меня, чтобы я писалъ. Ибо самъ я примѣтнымъ образомъ дѣлаюсь веселѣе, когда читаю письма мужей разсудительныхъ. По этому если бы не отвлекало меня множество дѣлъ, то не удержался бы отъ удовольствія писать непрестанно. Но у васъ меньше заботъ, поэтому, какъ можно, услаждайте меня письмами. Говорятъ, что и колодцы, если изъ нихъ черпаютъ, дѣлаются лучше. Итакъ посылай больше писемъ, и писемъ какъ можно длинныхъ, потому что малость въ письмѣ, почти такъ же какъ и въ человѣкѣ, не есть совершенство; пиши ко мнѣ и о домашнихъ дѣлахъ и о томъ, каково твое тѣлесное здоровье, и о томъ, спокойно ли состояніе церкви. Пиши ко мнѣ по какому бы то ни было случаю, только пиши подобнымъ сему образомъ, съ такимъ же добрымъ расположеніемъ и такимъ же чистымъ языкомъ; не говорю, что самъ могу усвоить себѣ пріятный слогъ, однако же естественно какъ-то плѣняюсь имъ; вы, обворожающіе словомъ, водите насъ за собою, какъ приманиваютъ пчелъ звонками» (314.). Вотъ еще слова Василія изъ письма его къ другому другу: «желая непрестанно получать письма твоего совершенства, когда взялъ я въ руки письмо твое и прочелъ его, не столько радъ былъ написанному, сколько опечаленъ, разсуж-

дая о потерѣ, какую несъ во время твоего молчанія. Но поелику началъ ты писать, то и не преставай продолжать это, ибо веселишь меня болѣе, нежели тѣ, которые любителямъ богатства посылаютъ большое количество денегъ» (129.). «Я радъ и выговорамъ твоимъ, пишетъ Василій софисту Леонтію (п. 21.), ибо у прекрасныхъ, какъ говорятъ, во всемъ есть примѣсь прекраснаго, посему имъ пристали и печаль и гнѣвъ». Изъ этихъ хотя не совсѣмъ ясныхъ намековъ видно также, что Василій желалъ обширной переписки сколько для удовлетворенія естественнымъ стремленіямъ дружбы знать о жизни и состояніи людей намъ душевно преданныхъ, столько и для того, чтобы имѣть какъ можно больше свѣденій о современномъ состояніи церквей, и по мѣрѣ этихъ свѣденій принимать тѣ или другія мѣры для благоустройства дѣлъ церковныхъ въ самыхъ отдаленныхъ отъ него краяхъ. При этомъ, если писали къ нему софисты, люди извѣстные по своему краснорѣчію, онъ тщательно наблюдалъ и за совершенствами языка и за красотою слово-выраженія, чтобы ни въ чемъ не уступать тѣмъ, которые пріобрѣтали себѣ особенную славу своимъ краснорѣчіемъ.

Въ семъ отношеніи особенно замѣчательна его переписка съ Ливаніемъ, къ которому онъ не преставалъ питать дружескую пріязнь и послѣ

того, какъ пересталъ быть его ученикомъ и превзошелъ его успѣхами въ словесности; въ знакъ искренности этого расположенія онъ посылалъ Ливанію и нѣкоторые подарки, напримѣръ триста длинныхъ брусьевъ на какую-то постройку. Кто только изъ его соотечественниковъ или знакомыхъ изъявлялъ желаніе учиться словесности, Василій всѣхъ убѣждалъ брать уроки въ этой наукѣ у Ливанія и съ надеждою поручалъ этихъ искателей образованія вниманію и заботливости Ливанія. При этомъ Василій просилъ иногда у Ливанія для прочтенія рѣчей его, за которыя особенно прославляла молва этого ритора. Такъ онъ просилъ у Ливанія рѣчи о человѣкѣ своенравномъ, которую слушать приходили и носившіе на себѣ бремя власти, и отличавшіеся въ воинскихъ спискахъ, и занимавшіеся рукодѣльнымъ искуствомъ и даже женщины; сверхъ сего не разъ выговаривалъ Ливанію за его молчаніе, и не разъ хвалилъ самыя краткія его письма. Вотъ остроумное сравненіе письма Ливаніева съ розою: «охотники до розъ, какъ и свойственно любителямъ красотъ, не изъявляютъ негодованія и на шипы, среди которыхъ вырастаетъ цвѣтокъ, но даже еще говорятъ, что природа колючими шипами въ срывающемъ цвѣтокъ раздражаетъ большее къ нему вожделѣніе. Что же значитъ это упоминаніе о розѣ въ письмѣ моемъ? Конечно нѣтъ нужды толковать это тебѣ,

который помнишь собственное свое письмо; оно было точно розовый цвѣтокъ, въ своемъ сладкорѣчіи развернувшій предо мною цѣлую весну; но какъ иглами укололо меня нѣкоторыми упреками и обвиненіями. Впрочемъ въ удовольствіе мнѣ и шипы твоихъ писемъ. Они воспламеняютъ во мнѣ большее желаніе твоей дружбы». Не менѣе замысловато жалуется Василій и на молчаніе Ливанія: «Не часто писать къ твоей учености, говоритъ онъ, убѣждаютъ меня страхъ и невѣденіе. Но что избавитъ отъ упрека тебя, который упорно хранишь молчаніе? Если кто разочтетъ, что ты, цѣлую свою жизнь посвятивъ словесности, лѣнишься написать письмо, то скажетъ о тебѣ, что забылъ ты меня. Ибо у кого за словомъ дѣло не стоитъ, тому есть что и написать, а кто владѣетъ симъ дарованіемъ и молчитъ, тотъ очевидно дѣлаетъ сіе или изъ презрѣнія, или по забвенію. Но я за твое молчаніе воздаю привѣтствіемъ» (п. 330.)...

Столь нѣжный и пламенный въ дружбѣ, Василій былъ весьма пріятный собесѣдникъ и въ обществѣ. «Если бы кто былъ, замѣчаетъ Григорій Богословъ, не говорливъ, не шутливъ, не охотникъ до собраній, и для многихъ не нравился тѣмъ, что не всѣмъ для всѣхъ угождаетъ, что изъ сего? Развѣ иной станетъ винить и льва за то, что смотритъ не обезьяной, а грозно и царски; но если бы кто сталъ искать въ Ва-

силіи и этихъ свойствъ, то я не знаю, кто былъ столько пріятенъ въ собраніяхъ, кто могъ увлекательнѣе его бесѣдовать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выговора не доводить до наглости, похвалы до потачки, и въ томъ и другомъ избѣгать неумѣстности. Таковъ былъ Василій по своимъ душевнымъ нравственнымъ качествамъ! А по внѣшнему виду это былъ старецъ изнуренный не столько лѣтами, сколько заботами, съ раннею сѣдиною, съ лицемъ блѣднымъ и обросшимъ волосами, въ походкѣ тихій, въ рѣчахъ медленный, необычайно задумчивый и часто углубляющійся въ себя, но чуждый угрюмости. Были и такіе почитатели Василія, которые думали, говоритъ Григорій Богословъ, самые тѣлесные его недостатки обратить для себя чрезъ подражаніе въ средство къ славѣ, но по причинѣ неискуснаго подражанія, дѣлались угрюмыми и становились изваяніями, представлявшими только тѣнь Василіеву, и нельзя даже сказать, что были эхомъ Василія: у него и не обдуманное было драгоцѣннѣе и замѣчательнѣе того, что другіе дѣлали съ великимъ усиліемъ». Такъ былъ неподражаемъ во всемъ Василій для своихъ современниковъ.

Преданность къ нему паствы была безгранична. Она ясно обнаружилась между прочимъ въ томъ, что многіе, по свидѣтельству Григорія Богослова, ставили себѣ въ великую честь, если имъ слу-

чалось или близкими быть къ Василію, или прислуживать ему, или замѣтить на память что либо имъ сдѣланное и сказанное иногда даже въ шутту. «И самъ я, говоритъ о себѣ Григорій, неоднократно хвалился этимъ». Но еще яснѣе высказалась любовь къ Василію его паствы и готовность жертвовать за него своимъ благосостояніемъ, при защищеніи его предъ начальникомъ Понтійской области. Неизвѣстны, въ какой годъ жизни Василія случилось это событіе, но обстоятельства его стоютъ упоминанія, тѣмъ болѣе, что онѣ разсказаны Григоріемъ Богословомъ (въ похл. словѣ.).

Какой-то знатный и сильный человѣкъ преслѣдовалъ также знатную вдову, принуждалъ ее вступить съ нимъ въ бракъ. Несчастная, твердая въ своей рѣшимости не вступать въ 2-й бракъ, бросилась въ храмъ въ надеждѣ воспользоваться правомъ убѣжища. Василій конечно предвидѣлъ, что̀ изъ этого выйдетъ, но, какъ для вѣры, такъ и для исполненія дѣлъ человѣколюбія, всегда готовъ былъ пожертвовать собою. Поэтому, какъ блюститель церковныхъ правъ, онъ объявилъ молодую женщину подъ своимъ покровительствомъ. Областеначальникъ требовалъ ее къ себѣ, а доблестный архипастырь никакъ не соглашался выдавать. Первый выходилъ изъ себя. Наконецъ, чтобы опозорить Василія, послалъ нѣсколькихъ чиновниковъ обыскать его опочивальню, и по

обыскѣ требовалъ его самого къ допросу, какъ одного изъ осужденныхъ. Василій явился, а областеначальникъ предсѣдалъ исполненный гнѣва и высокомѣрія. Онъ приказывалъ Василію снять съ себя мантію. Святитель сказалъ: если хочешь, скину предъ тобой и хитонъ. Онъ грозилъ архипастырю побоями; а Василій приклонялъ уже выю. Одинъ грозилъ строгать когтями. Другой отвѣчалъ: «такими терзаніями окажешь мнѣ большую услугу, ибо уврачуешь мою печень, которая много безпокоитъ меня». Дѣло было гласное. Весь городъ узналъ о несчастіяхъ знатной вдовы, сострадалъ, негодовалъ на префекта и хвалилъ Василія. Когда же услышали, что архіепископу грозятъ пыткой,—все одушевилось однимъ чувствомъ гнѣва, весь городъ пришелъ въ волненіе и, какъ рой пчелъ встревоженный дымомъ, сбѣжался изъ разныхъ мѣстъ; всѣ сословія и всѣ возрасты и особенно оружейники и царскіе ткачи, немедля явились для защиты. Все для каждаго стало оружіемъ. У кого пламенники въ рукахъ, у кого занесенные камни, у кого поднятыя палки; у всѣхъ одно направленіе, одинъ голосъ и общая ревность. При такомъ воспламененіи умовъ и женщины не остались безоружными: — у нихъ ткацкія берды служили вмѣсто копій и ихъ ревность превратила въ мущинъ. Кратко сказалъ, заключаетъ св. Григорій, тотъ считался у нихъ благочестивѣе, кто первый

возложилъ бы руку на умыслившаго дерзость противъ Василія. Послѣ сего строгій и дерзкій судія сталъ жалкимъ, бѣднымъ и самымъ смиреннымъ просителемъ. И только ходатайство Василія и сила нравственнаго его вліянія на народъ могли сохранить жизнь и благосостояніе наглаго обидчика. Такъ искренна и пламенна была любовь кесарійцевъ къ святому Василію.

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
Общественныхъ Наукъ